ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трудно найти истории России другую личность с настолько неоднозначной трактовкой характера и действий, как Николай II. С одной стороны – тот самый добрый царь, о котором мечтали все поколения народа. С другой – народное же прозвище «Николай Кровавый».

Одни вменяли ему в вину чрезвычайную мягкость и нерешительность в делах. Другие шёпотом сетовали – как же они цепенеют, когда он гневался и распекал их по делу. Одни обвиняли его в том, что он проиграл Первую мировую войну. Другие признавались – ржавые шестеренки армейского механизма хоть как-то начинали крутиться, только когда государь лично приезжал на фронт.

Одни потешались над скудоумием Николая. Другие восхищались его образованностью, начитанностью, памятью и умением разбираться буквально во всем. Одни рвали волосы от излишней доверчивости царя. Другие – тоже рвали их – из-за его слишком высокой требовательности к людям. Одни дивились холодности и спеси сановной семьи. Другие – восхищались любовью и взаимопониманием, царившими в ней.

Социалисты бросали обвинения, что Романов не умеет управлять страной. Консерваторы молились – лишь бы он продолжал так мудро управлять ей дальше. Либералы требовали от царя демократических уступок. Те же либералы, получив новые свободы, тут же начинали обвинять дарующую руку в слабости…

Эти перечисления можно продолжать бесконечно.

Так каким же на самом деле был Николай II? Как всегда истина лежит где-то посередине. Он не являлся, конечно, ангелом, хотя и причислен к лику святых. Но и демоном, как его рисовали в советских учебниках, он не был. Он был… обыкновенным. Обыкновенным порядочным, добрым человеком, мечтающим о семейном счастье и счастье своих подданных. Он как раз и был тем самым добрым царем, о котором так мечтал русский народ. Но Николай опоздал родиться. Он мог бы стать идеальным правителем для идеальной страны. Но Россия на стыке веков была очень далека от идеала. И её население мечтало о необыкновенном лидере. Куда привели эти мечты мы все знаем…

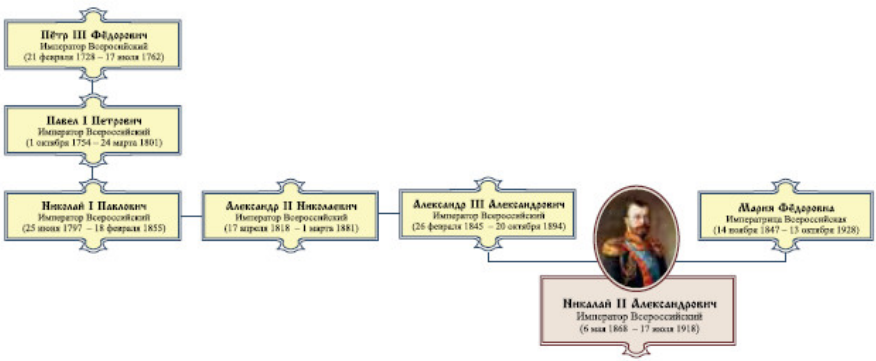
- Наталья Черникова
  - Николай II. Тишайший царь в бурную эпоху
    - Введение

- Детство и юность
- Путешествие на Восток
- Дела сердечные
- Любовь и брак
- Первые шаги на государственном поприще
- Коронация
- Международная политика
- Царь-реформатор
- 1905 год
- Дела семейные
- Война и революция
- Гражданин Романов

○ Главные даты[1] жизни Николая II Александровича

• notes

○ 1


Пётр III Фёдорович
Император Всероссийский
(21 февраля 1728 – 17 июля 1762)
Павел I Петрович
Император Всероссийский
(1 октября 1754 – 24 марта 1801)
Николай I Павлович
Император Всероссийский
(25 июня 1797 – 18 февраля 1855)
Александр II Николаевич
Император Всероссийский
(17 апреля 1818 – 1 марта 1881)
Александр III Александрович
Император Всероссийский
(26 февраля 1845 – 20 октября 1894)
Мария Фёдоровна
Императрица Всероссийская
(14 ноября 1847 – 13 октября 1928)
Николай II Александрович
Император Всероссийский
(6 мая 1868 – 17 июля 1918)

Наталья Черникова
Император Всероссийский Николай II Александрович. 6 мая 1868 – 17 июля 1918

Николай II. Тишайший царь в бурную эпоху

Введение

Император Николай II (1868–1918) – один из наиболее сложных, неоднозначных, политизированных персонажей отечественной истории. Вот уже почти столетие прошло после его смерти, но до сих пор не существует определенного отношения к этому человеку. Спектр оценок невероятно широк – от слабого, подчинявшегося любому влиянию безвольного правителя до убежденного реформатора, умевшего добиваться своего; от преступника, развалившего и предавшего страну, до святого страстотерпца на троне, стоящего выше любой критики. Причина такого многоголосья кроется прежде всего в фигуре самого Николая II, человека сложного и скрытного. Современники недаром называли его сфинксом, подобно его венценосному предку Александру I. Действительно, как относиться к неограниченному монарху, убежденному в священном характере своей власти, и при этом шаг за шагом втягивающему страну в революционную смуту? Николай II оставался малопонятен даже людям, имевшим возможность близко с ним общаться. Нет, каждое конкретное его действие казалось ясным и обоснованным, каждая отдельная черта характера – понятной и отчетливой. Но целый образ при этом двоился, множился, несовместимые, казалось, черты накладывались одна на другую, заставляя отступить даже самых наблюдательных современников. Может быть, поэтому мемуаристы предпочитали описывать императора с какой-нибудь одной стороны. По этому же пути вольно или невольно идут и биографы Николая II, упрощая, сводя к единому знаменателю сложный характер последнего самодержца.

Кем же был последний русский император? Рок или собственное неразумие привели его в подвал Ипатьевского дома? Была ли у него возможность иначе повернуть руль российской государственности? Попробуем разобраться.

Детство и юность

6 мая 1868 г. с бастионов Петропавловской крепости раздался 301 пушечный выстрел. Так традиционно столица извещалась о рождении будущего государя. В этот день в семье его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III) родился первенец. Мальчика назвали Николаем – в честь деда, императора Николая I, и старшего брата наследника, рано умершего цесаревича Николая Александровича (1843–1865). Это был долгожданный ребенок. Он появился через полтора года после свадьбы, так что по великосветским салонам уже поползли сплетни о бесплодии цесаревны. Позже в семье Александра Александровича появятся еще пятеро детей: Александр (1869–1870), Георгий (1871–1899), Ксения (1875–1960), Михаил (1878–1918) и Ольга (1882–1960).

Цесаревна Мария Фёдоровна с сыном Николаем в 1870 г.

С самого детства Николай Александрович отличался спокойным характером. Даже няньки и кормилицы удивлялись, что он почти не плакал. Навещавший сына Александр Александрович отмечал в дневнике, что маленький Николай все

время был в хорошем настроении – «в духе». Это был ласковый, улыбчивый ребенок, не любить которого было невозможно. Он рос крепким и здоровым. В 1872 г. Александр Александрович писал матери, императрице Марии Александровне, о 4-летнем сыне, что тот «делает огромные прогулки и никогда не устает». Родители с малолетства приучали детей к неукоснительному выполнению своих обязанностей, особенно радовал их старший сын, врожденными чертами характера которого были аккуратность и даже некоторая педантичность.

Детей в императорской семье традиционно воспитывали без чрезмерной мягкости. Первой учительнице, которую взяли к семилетнему Николаю, чтобы научить его основам русской грамоты, математики и молитвам, Александр Александрович говорил, что не хочет делать из своих детей «оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру». «Мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети», – объяснял он.

Незадолго перед тем как Николаю Александровичу исполнилось 9 лет, в апреле 1877 г., его воспитателем был назначен опытный педагог, директор второй военной гимназии и педагогических курсов при ней генерал-адъютант Григорий Григорьевич Данилович. Подготовленная для великого князя учебная программа включала 8-летний гимназический курс и 4 года (впоследствии срок был увеличен до 5 лет) курса «высших наук». Среднее образование наследника несколько отличалось от того, которое получали гимназисты. Вместо древних языков (греческого и латыни) Николай Александрович изучал основы минералогии, ботаники, зоологии, а в более старшем возрасте – анатомии и физиологии. Кроме того, были расширены курсы истории, русской литературы и иностранных языков (немецкого и французского), добавлен английский язык. Этот последний не был распространен в высшем свете, тем не менее цесаревич владел им настолько, что к 20 годам, по свидетельству друга и родственника великого князя Александра Михайловича, «мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его… за настоящего англичанина». Александр III позаботился, чтобы его дети хорошо знали свой родной русский язык. В отличие от многих представителей высшего света Николай Александрович обладал безупречной грамотностью. Летом, гостя у бабушки и дедушки в Дании (мать Николая была урожденной принцессой датской), Николай занимался датским языком и мог на нем объясняться. Дополнительным предметом была каллиграфия. Юному великому князю предстояло царствовать, а значит – накладывать резолюции и подписывать

бесчисленные бумаги, при этом каждая его подпись, даже трехсотая за день, должна была выглядеть красиво.

Николай Александрович в 1870 г.

Из всех предметов Николай отдавал предпочтение истории и литературе. Он с детства увлекался чтением и свободное время часто проводил за книгой. И даже сам пробовал писать – перу 12-

летнего великого князя принадлежит цикл сатирических рассказов «Два немца». Любовь к чтению сохранилась у него и позднее. Уже став императором, он редкий день проводил без книги. Его личная библиотека пополнялась новинками отечественной и зарубежной литературы.

Обширная учебная программа оставляла не много времени для развлечений. Вот как выглядело расписание дня десятилетнего великого князя (на 1877/1878 учебный год):

9.00–10 часов: первый урок
10.30–11.30: второй урок
11.45–12.45: музыка или гимнастика
13.00–14 часов: обед
14.00–15 часов: третий урок
15.00–16 часов: прогулка на свежем воздухе
16.00–17 часов: четвертый урок

Всего в неделю полагалось 24 урока (не считая музыки и гимнастики): по 4 часа отводилось на русский язык и арифметику, по три часа – на английский и французский языки, по два – на Закон Божий, естественные науки, рисование и каллиграфию. К 15 годам число уроков увеличилось до 30. А ведь надо было еще делать домашнее задание. Занятий не было только по воскресеньям. Даже летний отдых не означал перерыва в учебе, хотя число уроков и сокращалось. Летом 1883 г. Николай Александрович, тогда уже наследник престола, отдыхал в Дании. Свой день в письме другу юности великому князю Александру Михайловичу он описывал так: «Встаем позже, чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс и все семейство кушает утренний завтрак; от 11 – половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три – гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день».

По роду своих занятий как глава правительства, «блюститель правоверия и всякого в церкви благочиния» император должен был разбираться в разнообразных вопросах, касающихся тенденций экономического развития и международной обстановки, военного дела, церкви и прочее и прочее. Потому и список преподаваемых наследнику престола предметов был

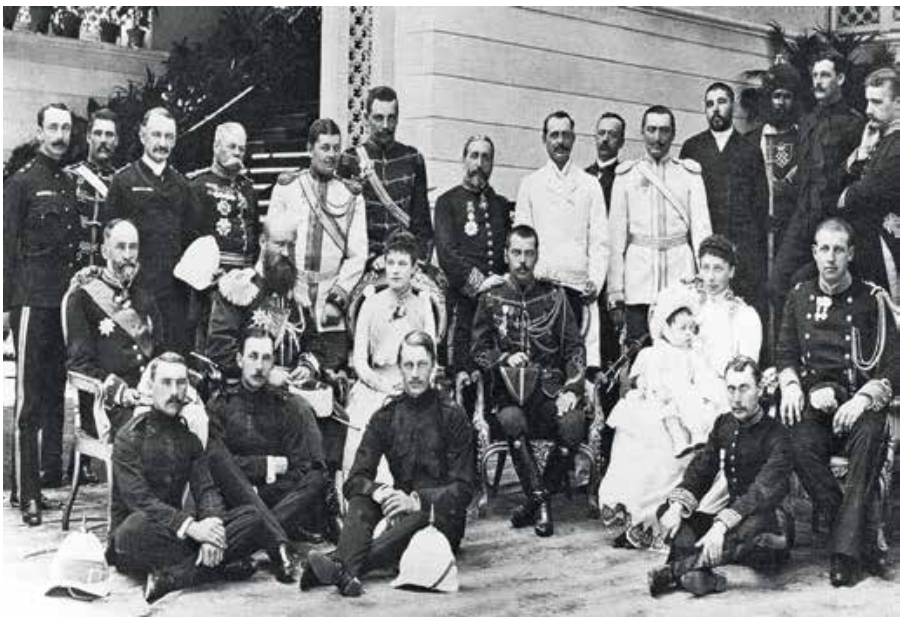
весьма обширен. Николаю Александровичу читали каноническое право, главные отделы богословия, историю религии, химию, статистику, политическую экономию и финансовое право, международное право, политическую историю, законоведение, государственное, гражданское и уголовное право. Из военных предметов он слушал военную статистику, тактику и боевую подготовку войск, стратегию, военную историю, историю военного искусства, артиллерийское дело, фортификацию, курс военной администрации, геодезию и картографию.

Последний император имел, таким образом, три высших образования – юридическое, военное и не существующее еще тогда экономическое. Оценивать баллами успехи учеников при домашней системе обучения не было необходимости, но все учителя отмечали усидчивость и внимательность Николая Александровича. Кроме того, он имел прекрасную память на факты, лица и имена – качество, важное для руководителя любого уровня. Впоследствии его собеседники будут изумляться способности императора помнить эпизоды их карьеры многолетней давности, а в резолюциях на страницах присланных ему докладов царь будет напоминать составителям о решении, принятом по тому или иному делу несколько лет назад. Об уровне полученного образования говорит и знание последним императором географии – когда царскую семью везли в ссылку в Тобольск и затем перевозили в Екатеринбург, Николай Александрович всегда мог сказать, в направлении какого города они движутся, по каким рекам плывут.

Николай II в форме лейб-гвардии Е. И. В. Наследника Цесаревича Атаманского полка, 1880.

Жизнь между тем шла своим чередом. 1 марта 1881 г. великий князь Николай Александрович стал наследником российского престола. В этот день от рук террористов погиб его дед, император Александр II. Сначала это мало изменило его

жизнь. Более важным рубежным этапом для Николая стал 1884-й. В этом году ему исполнилось 16 лет. По законам Российской империи в этом возрасте наследник престола становился совершеннолетним. 6 мая, в свой день рождения, он принес присягу на верность престолу и Отечеству в Большой церкви Зимнего дворца. С этого времени его участие в публичной жизни становится более активным, хотя учеба остается еще самым главным делом.



Цесаревич Николай в гостях у королевской семьи в Греции. 1890 г.

Теоретическое образование дополнялось практикой. В первую очередь это касалось, конечно, военной службы. По традиции первый внук Александра II сразу после рождения был зачислен в списки гвардейских полков. Еще в детстве он был назначен шефом нескольких полков, в 7 лет получил свое первое воинское звание – прапорщика, в 12 стал подпоручиком. В детстве приобщение князей к военному делу ограничивалось парадами. Их действительная служба начиналась позже, лет в 20, с участия в летних лагерных гвардейских сборах в составе одного из гвардейских полков. Но для будущего императора этого было недостаточно. Он должен был быть одинаково хорошо знаком со всеми родами войск. Николай Александрович проходил службу и в пехоте, и в кавалерии, и в артиллерии, и продолжалась она обычно с апреля до конца лета. Два сезона (1887 и 1888 гг.) он провел в пехотном Преображенском полку, еще два (1889 и 1890

гг.) – в кавалерийском Гусарском. Служил последовательно младшим офицером, командиром роты, а в кавалерии – командиром взвода и эскадрона. В апреле – августе 1892 г. великий князь проходил службу в 1-й Его Величества батарее Гвардейской конно-артиллерийской бригады. Именно здесь 6 августа 1892 г. он получил свой последний воинский чин – полковника.

Именно военная служба стала первым шагом Николая Александровича в самостоятельную жизнь. С самого начала он зарекомендовал себя как прирожденный военный. Николай Александрович не отличался высоким ростом, зато был сильным, ловким и выносливым; с готовностью подчинялся военной субординации, был аккуратен в исполнении обязанностей. Удавалось ему поддерживать и ровные личные отношения с сослуживцами. Он не выпячивал своего положения, не сорил деньгами, чем отличались другие великие князья.

Практическое образование наследника престола не ограничивалось военной сферой. 6 мая 1889 г. Николаю Александровичу исполнился 21 год. Вслед за этим последовало назначение его членом Государственного совета и Комитета министров. В этих двух высших учреждениях сосредотачивалась вся законотворческая работа в империи, в них заседали опытные сановники, обсуждались вопросы, касавшиеся всех сфер жизни России. Для будущего императора это стало настоящей государственной школой.

Кроме того, с 1888 г. Николай Александрович часто исполнял представительские функции, присутствуя на разнообразных международных съездах владетельных особ. Как правило, это были семейные события (юбилеи, свадьбы, похороны): погребение императора Вильгельма I в Берлине (март 1888-го), 25-летний юбилей царствования датского короля Христиана IX в Копенгагене (ноябрь 1888-го) и Вюртембергского короля в Штутгарте (июнь 1889) – го, свадьба наследника греческого престола Константина и принцессы прусской Софии в Афинах (октябрь 1889-го) и проч. Но на этих семейных торжествах он представлял императора и Россию, что налагало определенные обязанности и диктовало линию поведения. Кроме того, это давало будущему правителю империи возможность ближе познакомиться с многочисленными владетельными родственниками. Именно в это время закладывались многие основания будущей внешней политики России. Николаю Александровичу удалось понравиться королеве Англии Виктории, что впоследствии способствовало улучшению отношений между странами. Он сблизился со своим кузеном, который был старше

его всего на 9 лет, – германским императором Вильгельмом II. После воцарения Николая II обе стороны неоднократно будут пытаться использовать сложившиеся между ними родственно-дружеские отношения для решения внешнеполитических вопросов.

Путешествие на Восток

В 1890 г. обучение Николая Александровича подошло к концу. В России образование великого князя, и тем более наследника престола, традиционно завершалось большим путешествием по России и Европе. Но поездка Николая Александровича по размаху и продолжительности превзошла все предыдущие. Необычным было и ее направление – наследник престола Российской империи отправлялся не на Запад, а на Дальний Восток. Мало знакомый европейцам, этот регион в конце XIX столетия начинал играть все большую роль в европейских политических расчетах. Идея путешествия принадлежала Александру III, понимавшему, что Европа перестает быть единственным направлением внешней политики России. Путешествие наследника, таким образом, символизировало признание Россией ее интересов в Азиатском регионе.

Первая часть путешествия – морем вокруг всей Азии до Японии – была определена сразу. В дальнейшем предполагалось проехать через всю Сибирь или, посетив Америку, отправиться домой уже оттуда. Николай Александрович сам выбрал первый вариант. Сибирь притягивала его больше, чем Соединенные Штаты, где он собирался побывать «когда-нибудь потом». В отличие от таких же «образовательных» путешествий отца и деда в свите Николая Александровича не было выдающихся государственных и общественных деятелей, да в этом не было и необходимости. Их опыт и знания, необходимые при путешествии по России, оказывались бесполезными при поездке в малоизвестные страны. В качестве «знающих» лиц на разных этапах маршрута выступали русские дипломаты, аккредитованные в тех странах, которые посещал наследник, и европейская колониальная администрация.

Николай Александрович в Нагасаки. 1891 г.

Путешествие продолжалось чуть более девяти месяцев. Спутники выехали из Гатчины 23 октября 1890-го и вернулись в Петербург 4 августа 1891 г. Отплыв из Триеста, они посетили Грецию, где к ним присоединился троюродный брат Николая Александровича греческий принц Георгий, затем Египет и через Суецкий канал вышли в Красное море. Далее путь лежал в Индию, на Цейлон (Шри-Ланку), в Сингапур, на остров Яву, в Сиам (Таиланд), Сайгон (Вьетнам), Гонконг, Китай и, наконец, Японию. Большинство этих стран были тогда колониями. Египет был оккупирован англичанами, хотя формальные права на него сохраняла Турция. Индия, Цейлон, Сингапур и Гонконг принадлежали Британской империи, Сайгон – Франции, Ява – Нидерландам.

В самом начале путешествия – в Индии – случилась первая большая неприятность: обострилась болезнь младшего брата наследника, Георгия Александровича. Тогда было еще неизвестно, что это первые проявления туберкулеза, который в конце концов сведет его в могилу. Георгий Александрович вынужден был покинуть спутников и вернуться в Европу.

Путешествие Николая Александровича было первым посещением стран Востока наследником великой европейской державы. К его приезду было приготовлено множество экскурсий и развлечений. И он немного лукавил, когда жаловался встреченному им на Цейлоне великому князю Александру Михайловичу на бессмысленность своей поездки: «Дворцы и генералы одинаковы во всем мире, а это единственное, что мне

показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома». Путешественники провели три недели в Индии, столько же в Китае, месяц путешествовали по Цейлону (Шри-Ланке), неделю гостили у короля Сиама. Они посетили все основные достопримечательности, плавали по великим рекам (Ганг, Янцзы), проезжали по улицам восточных городов, охотились на диковинных животных и птиц, видели храмы разных конфессий – буддистские, кришнаитские, синтоистское святилище Сува в Японии.

Не менее привлекательны были небольшие прогулки инкогнито, во время которых можно было, не чинясь, зайти в небольшие лавки и ресторанчики, познакомиться с баядерками и гейшами. В Японии он даже сделал себе татуировку – на правой руке цесаревича появилось изображение дракона с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами.

Конечно, в избытке было и официальных мероприятий. Императрица Мария Фёдоровна писала сыну в Индию: «Я хочу думать, что ты очень вежлив со всеми англичанами, которые стараются оказать тебе лучшие, по мере возможности, прием, охоту и т. д. Я хорошо знаю, что балы и другие официальные дела не очень занимательны, особенно в такую жару, но ты должен понять, что твое положение тебя обязывает к этому. Отставь свой личный комфорт в сторону, будь вдвойне вежлив и дружелюбен и, более того, никогда не показывай, что тебе скучно».

Последним пунктом путешествия перед возвращением в Россию была Япония. 15 апреля 1891 г. наследника русского престола торжественно встречали в Нагасаки. Программа пребывания включала посещение древней столицы Киото, откуда 29 апреля путешественники отправились в город Отцу. Осмотрели древний храм, полюбовались красотами озера Бива, погуляли по рынку, и после обеда у губернатора процессия из 40 джин-рикш тронулась в обратный путь. По сторонам дороги теснился народ, сдерживаемый оцеплением из полицейских. Вдруг один из полицейских, Тсуда Санцо (Сандзо), когда с ним поравнялась коляска цесаревича, выскочил из оцепления и, выхватив саблю, нанес справа сзади удар по голове русского принца. Позже Николай Александрович так описал дальнейшее в письме к матери: «Я крикнул ему по-русски: что тебе? и сделал прыжок через моего джин-рикшу. Обернувшись, я увидел, что он бежит на меня с еще раз поднятой саблей, я со всех ног бросился по улице, придавив рану на голове рукой». Все это заняло несколько секунд. Быстрее всех среагировал греческий принц Георгий, ехавший вслед за цесаревичем. Выскочив из своей коляски, он ударил полицейского бамбуковой тростью, а

подскочившие возницы скрутили нападавшего.

Придя в себя, наследник первым делом постарался успокоить окруживших его людей. «Это ничего, – сказал он, – только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие!» Николая отвели в ближайший дом – владельца галантерейного магазина, где ему подготовили постель, однако ложиться он отказался и после перевязки сел, куря, у входа в магазин. Затем цесаревича проводили в здание префектуры, где оказали квалифицированную медицинскую помощь, а вечером, уже без всякой помпы, перевезли в Киото.

Николай Александрович вернулся к себе на фрегат, но вопрос о том, будет ли продолжено путешествие, посетят ли русские Токио, оставался открытым. Окончательное решение зависело от русского императора. 4 мая в Японию пришла срочная телеграмма от Александра III с приказанием цесаревичу срочно прибыть в Россию. Решение императора диктовалось прежде всего его опасениями за сына. Несмотря на теплый прием, который встречал Николай Александрович, в Японии было много недовольных появлением в стране большого числа иностранцев. Сведения об их враждебных демонстрациях против европейцев доходили до русского двора еще в конце 1890 г. Александр III был обеспокоен, но маршрут путешествия наследника менять тогда не стали. Теперь же царь счел более разумным прислушаться к мнению русского посланника в Японии, который писал, что «торжественность и овационный до сих пор характер приема здесь цесаревича вызвали, по-видимому, ныне негодование со стороны фанатиков патриотизма», и советовал отказаться от ставшего небезопасным путешествия.

7 мая, распрощавшись с микадо, Николай Александрович отправился в обратный путь и 4 дня спустя прибыл во Владивосток. Здесь его уже ждали обычные обязанности. Во Владивостоке он присутствовал на закладке памятника адмиралу Г. И. Невельскому и сухого дока во владивостокской гавани, затем принял участие в начале строительства уссурийского участка Сибирской магистрали, а 19 мая – в закладке здания вокзала на станции Владивосток. После этого началось наконец путешествие по Сибири: Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Чита, Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург. Поездка захватила наследника. Впечатлений и дел было столько, что не оставалось времени даже на переписку. Позже, уже из Петербурга, он извинялся за это перед Александром Михайловичем. В Сибири, объяснял наследник, «каждый день и без того был переполнен до изнеможения.

Несмотря на это, я в таком восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатления об этой богатой и великолепной стране, до сих пор так мало известной и (к стыду сказать) почти незнакомой нам, русским! Нечего говорить о будущности Восточной Сибири о особенно Южно-Уссурийского края».

Дела сердечные

Следующим шагом в жизни наследника престола должна была стать женитьба. По традициям императорской семьи только после этого дети считались вполне взрослыми. Они начинали жить отдельно от родителей, получали собственный двор, с этого же времени увеличивались и усложнялись их обязанности. Однако в случае Николая Александровича матримониальные планы не спешили исполняться. Он продолжал жить с родителями, но круг его обязанностей стал теперь гораздо шире. Он исправно посещал заседания Комитета министров и Государственного совета, – а это подразумевало не только присутствие, но и предварительное знакомство с рассматривавшимися делами, временами весьма обширными. В ноябре 1891 он встал во главе Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем, в январе 1893-го был назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги. И тогда же стал командиром 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Исполнял представительские функции, участвовал во всех официальных мероприятиях…

Но при всем этом наследник пользовался относительной свободой. Император не требовал от него постоянного присутствия, не обременял дополнительными делами. Возможно, вспоминая собственную молодость, занятую приемами, военными разводами, ежедневными посещениями родителей, присутствием на докладах министров и заседаниях разнообразных комитетов, он хотел дать сыну возможность хоть немного пожить спокойно. В апреле 1892 г. Александр III писал императрице из Гатчины: «Ники все еще в Петербурге, но что он делает – не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивает у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь он скучает, не знает, что делать, а знать, что он остается здесь только по обязанности, и видеть скучающую фигуру для меня невесело». Но долго так продолжаться не могло. Женитьба наследника была одним из важнейших государственных вопросов, поскольку обеспечивала преемственность власти, и не могла быть отложена на сколь-нибудь долгий срок.

Да и сам Николай Александрович ощущал потребность создать семью. В 23 года он писал своему другу Александру Михайловичу: «Я знаю, что мне пора жениться, так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица.

Притом мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить свое гнездышко». Среди рассматривавшихся претенденток на руку цесаревича были прусская принцесса Маргарита (сестра императора Вильгельма II), французская принцесса Елена (дочь претендента на французский престол герцога Людовика Орлеанского. Но сам Николай Александрович точно знал, кого хотел бы видеть своей спутницей жизни. Внучка английской королевы Виктории принцесса Алиса (Аликс) Гессенская, с которой Николай Александрович познакомился еще в 1884 г., серьезно увлекла его с 1889 г., когда она на несколько недель приезжала в Петербург. Ей было тогда 17 лет.

Матильда Кшесинская.

Однако идеальной романтической истории не получилось. Алиса отказывалась выходить замуж за русского наследника, поскольку необходимым условием для этого была перемена веры. Убежденная протестантка, она, несмотря на всю свою симпатию к Николаю, считала невозможным для себя изменить вере, в которой была воспитана. Николай же между тем увлекся молодой талантливой балериной Матильдой Кшесинской (1872–1971). Они познакомились еще до отъезда цесаревича в путешествие, в марте 1890 г., на выпускном акте балетного училища.

Роман развивался исподволь. Первое время молодые люди

виделись только случайно. Театр составлял неотъемлемую часть жизни двора, и Николай Александрович, как почти все представители его семьи, был театралом. Но уже к лету их отношения стали более серьезными. Они часто встречались, и, уезжая в путешествие, Николай Александрович доверил сестре Ксении тайну, что у него есть теперь «друг» – «маленькая» Кшесинская. Вернувшись после почти 9-месячного отсутствия, сразу отправился в театр, чтобы встретиться с балериной. Их встречи приняли постоянный характер. Они вместе гуляли по городу, наследник часто навещал «Малечку» и даже неоднократно ночевал у нее, привозил подарки.

Кульминация романа пришлась на зиму 1892–1893 гг., тогда же отношения наследника и танцовщицы стали предметом великосветской сплетни, обросли невероятными подробностями, в которых правда все чаще заслонялась выдумкой. Говорили, что Николай Александрович часами сидит у Кшесинской, пьет коньяк и скучает, что он упросил отца два года не жениться, что Кшесинская очень заважничала с тех пор, как находится «для особых милостей», и прочее и прочее.

Родители не придавали этой связи особого значения, считали ее увлечением молодости, а своего сына – достаточно серьезным и ответственным человеком, чтобы не допустить скандала. Действительно, разрыв произошел по инициативе цесаревича. В один из вечеров он сказал своей возлюбленной, что едет за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, которая, возможно, станет его женой. Этот разговор произошел за несколько месяцев до помолвки. Согласие невесты получено еще не было, и было не ясно, удастся ли его добиться. Но Николай Александрович понимал необходимость покончить с холостой жизнью, и первым шагом на этом пути стало его расставание с Матильдой Кшесинской.

Любовь и брак

В истории женитьбы цесаревича большую роль сыграли старшая сестра Аликс – русская великая княгиня Елизавета Фёдоровна и ее муж, младший брат Александра III великий князь Сергей Александрович. Именно они стали той связующей нитью, с помощью которой молодые люди получали известия друг о друге, передавали портреты, они же уговаривали Аликс принять православие. Мать Николая, императрица Мария Фёдоровна, узнала об этом довольно поздно, в конце 1893 г., и была поражена, что такие вещи могли происходить без ведома родителей. Кроме того, ее возмутило, что кого-то нужно столько времени уговаривать стать императрицей великой страны и женой ее милого Ники. Она даже жалела сына, считая, что упорство невесты обрекает на неудачу все его попытки.

Что же представляла собой немецкая принцесса? Аликс Гессенская была необыкновенной натурой. С детства ее тянуло к серьезным занятиям, она была необыкновенно аккуратна, стремилась во всем следовать раз навсегда усвоенным правилам. Ее не интересовали романы, которыми зачитывались сестры и подруги. Совсем юной девушкой она конспектировала сочинения философов и мыслителей, а позже даже получила степень доктора философии в Оксфордском университете. Она добивалась успеха во всем, за что бралась. Виртуозно играла на фортепьяно, прекрасно шила, вышивала, вязала. Разбиралась в европейской литературе и истории. Интересовалась биологией и знала названия многих растений и птиц.

Официальная фотография помолвки Александры и Николая. Апрель 1894 г.

По складу характера она была интровертом, не любила многолюдных сборищ, смущалась, когда на нее обращали повышенное внимание, была замкнута, плохо сходилась с людьми, внешне всегда оставалась холодна и сдержанна. Ей было чуждо искусство светской дипломатии, она не считала нужным

пытаться очаровать чужих ей людей и не считала это недостатком. Такое поведение, пусть и не всем приятное, было допустимо для принцессы небольшого немецкого герцогства. Оно могло стать проблемой, только если бы Аликс суждено было стать женой правителя великой державы, но об этом до поры до времени не задумывались.

Была еще одна черта характера, которая выделяла Алису Гессенскую среди сверстниц: она была на редкость религиозна. Homo religiosus – назвал ее один из современных исследователей (С. Л. Фирсов). Аликс и сама знала это. Позже, уже в России, она признается одной из близких ей дам, фрейлине Марии Барятинской: «Я не могу блистать в обществе, я не обладаю ни легкостью, ни остроумием, столь необходимыми для этого. Я люблю духовное содержание жизни, и это притягивает меня с огромной силой. Думаю, что я представляю тип проповедника. Я хочу помогать другим в жизни, помогать им бороться и нести свой крест». По своим внутренним качествам юная принцесса мало подходила на роль императрицы, но судьба распорядилась именно так. Взаимная привязанность Аликс и Николая Александровича в конце концов преодолела все преграды.

Решающее объяснение состоялось в апреле 1894 г. в Кобурге. Поводом для встречи стала свадьба брата Алисы, гессенского герцога Эрнста-Людвига с английской принцессой Викторией-Мелитой. Со всей Европы съезжались именитые гости, и всех занимал вопрос, состоится ли помолвка русского наследника престола. В какой-то мере свадьба отошла на второй план. В эти дни Аликс испытала значительное давление со стороны своей родни. На ее согласии настаивали не только русские и гессенские родственники, но и английская королева Виктория, и германский император Вильгельм II. 8 апреля 1894 г. помолвка состоялась. Николай Александрович был счастлив. Свадьба предположительно была назначена на весну будущего 1895 года, но события быстро стали принимать непредвиденный оборот.

Летом 1894 г. у Александра III диагностировали хроническое заболевание почек. К осени положение ухудшилось, врачи рекомендовали теплый климат, и в конце сентября больного перевезли в Крым. В сановных кругах заговорили о регентстве наследника, но уже в начале октября стало ясно, что дни императора сочтены. Александр III умер 20 октября – «оставив незавершенным монарший труд свой и вручив судьбу шестой части мира в дрожащие руки растерявшегося юноши», – напишет позже в воспоминаниях великий князь Александр Михайлович.

Через полтора часа после смерти Александра III в маленькой ливадийской церкви придворные уже присягали новому

императору. Начиналось царствование Николая II.

Первые шаги на государственном поприще

До воцарения Николай II был мало известен как государственный человек. И это не было чем-то необычным. В России наследник престола никогда не играл самостоятельной политической роли, его позиция по тем или иным вопросам оставалась неизвестна широким кругам. Воцарение нового монарха – независимо от его возраста и опыта в государственных делах – неизбежно вызывало сетования на то, что он неизвестен в обществе, недостаточно опытен и не готов занять самый важный пост в империи. Так говорили и о 24-летнем Александре I в 1801 г., и о 29-летнем Николае I в 1825-м, и даже о занявших престол в более зрелом возрасте (соответственно в 37 и 36 лет) и прошедших определенную государственную школу Александре II и Александре III.

Нечто подобное произошло и на этот раз. Внезапная болезнь Александра III заставила обратить пристальное внимание на его наследника. Сразу начались разговоры о его молодости, неготовности принять корону и даже о недостаточной образованности. Да и сам монарх был совсем не уверен в себе. Но эту обеспокоенность, страх перед будущим нельзя считать неестественными, присущими только Николаю II. Преемственность при монархическом образе правления предполагает значительный возрастной разрыв между предшественником и преемником, а значит, и несопоставимость их государственного опыта. Едва ли не единственным, кто был убежден в способности Николая вынести бремя власти, был… его отец. Незадолго до смерти Александра III духовник императора Янышев спросил его, говорил ли он с Николаем Александровичем о предстоящих ему обязанностях, и услышал ответ: «Нет: он сам все знает».

Портрет императора Николая II. Художник И. Е. Репин.

Действительно, уже во время первых докладов министры выяснили, что новый царь прекрасно разбирается во всех вопросах, быстро схватывает суть проблемы, более того, его не нужно вводить в курс текущих дел. Единственное, о чем он не знал, были секретные внешнеполитические соглашения.

Первым событием нового царствования была свадьба императора.

Невеста наследника российского престола Алиса Гессенская приехала в Ливадию 10 октября, в тот же день молодые получили благословение умирающего монарха. Ее присутствие, поддержка очень много значили для Николая Александровича в те сложные дни. Она уверяла его в своей любви, призывала быть стойким, не тушеваться и не смущаться и с самого начала показать окружающим, кто является теперь правителем империи. На следующий день после смерти Александра III, 21 октября, принцесса перешла в православие – она была миропомазана в ливадийской церкви и стала великой княжной Александрой Фёдоровной. Долго существовавшее препятствие было устранено. Николай II превратился в нетерпеливого жениха и заговорил о немедленной свадьбе. Мария Фёдоровна поддержала сына в его желании устроить скромное торжество, «пока еще дорогой Папа под крышей дома».

Однако эта идея вызвала стойкую оппозицию со стороны братьев умершего императора. Как бы ни складывались обстоятельства, считали они, царь не может себе позволить полутайную свадьбу на окраине империи. Кроме того, многим казалось неприемлемым проводить свадебные торжества, пусть и самые скромные, на фоне подготовки похорон. В конце концов Николай II уступил. 1 ноября траурный поезд с телом Александра III прибыл в Петербург, 7 ноября почивший император был погребен в Петропавловской крепости, а еще неделю спустя состоялась свадьба Николая II и великой княжны Александры Фёдоровны. Этот день – 14 ноября – был днем рождения вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Дни рождения высочайших особ считались высокоторжественными, в это время позволялось ослабить строгий траур. И все же свадебные торжества посреди поминальных панихид, до истечения 40-дневного траура многим казались если не кощунством, то все же событием не вполне уместным. Не мог не понимать этого и император. Изданный 14 ноября манифест объяснял такую торопливость тем, что этот брак – священный завет почившего монарха, его последняя воля. Но дело было не только в этом. Уже на следующий день, 15 ноября, начинался 40-дневный Рождественский пост, затем Святки, продолжавшиеся до Крещения Господня (Богоявления), праздновавшегося 6 января. Все это время обряды венчания православной церковью не проводились. Так что перед Николаем II стоял выбор – обвенчаться до истечения 40-дневного траура или ждать еще почти два месяца. Окружающие советовали набраться терпения,

но император предпочел нарушить и обычай, и правила приличия, и придворный этикет. Свадьба состоялась, хотя торжество и было довольно скромным. Обряд венчания был проведен в Большой церкви Зимнего дворца, затем молодожены отправились в Казанский собор для поклонения чудотворной Казанской иконе Божией Матери, а оттуда в Аничков дворец, где их на пороге с хлебом-солью встретила Мария Фёдоровна. Празднование завершилось торжественным обедом.

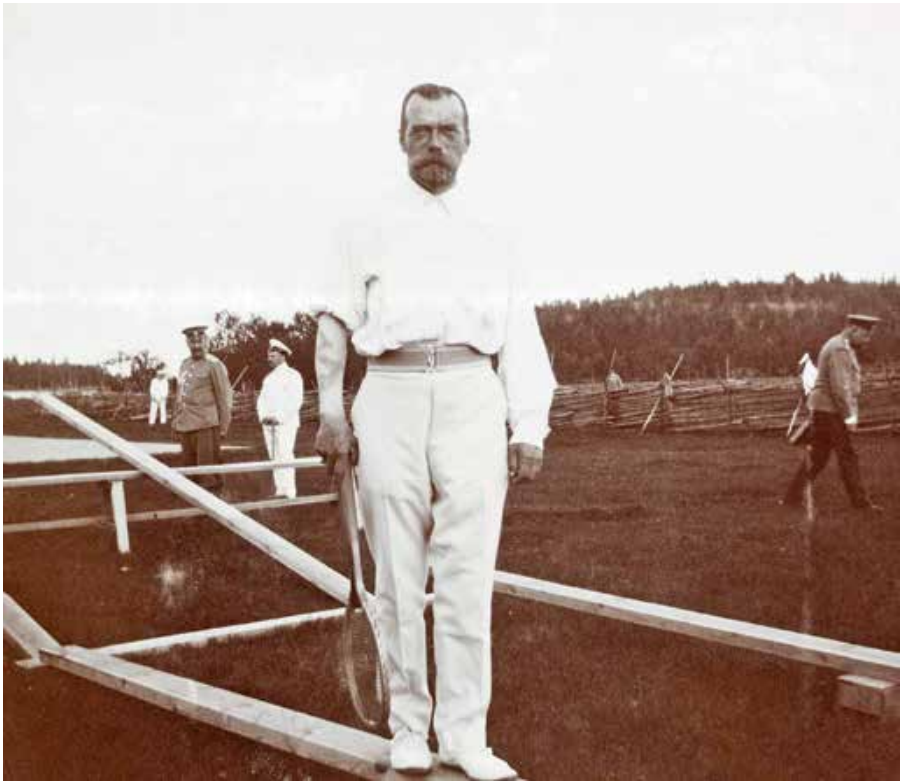
Первый год Николай II и Александра Фёдоровна прожили в Аничковом дворце. Вскоре после свадьбы молодая императрица писала бабушке, королеве Виктории: «У нас здесь хорошенькие комнатки, пока наши апартаменты в Зимнем не готовы, и мы не хотим сразу оставлять его дорогую матушку». Обустройство комнат императорской четы на втором этаже Зимнего дворца в северо-западом ризалите (выступающей части здания) продолжалось до ноября 1895 г. Основным стилем отделки стал английский. Вопреки установившейся традиции половины супругов располагались вплотную друг к другу. Даже спальня у них была общая, с большой двуспальной кроватью. Невиданным новшеством был устроенный специально для Николая II на его половине бассейн. Супруги переехали в Зимний дворец 30 декабря. «Вот снова ожил Зимний – дай Бог, в добрый час», – записывал в дневнике великий князь Сергей Александрович. Николай II и Александра Фёдоровна прожили в Зимнем 9 лет. Весной 1904 г. они, как обычно, переехали на лето в Царское Село, однако разразившийся политический кризис заставил их задержаться в летней резиденции на зиму. Впоследствии они так и не вернулись в Петербург. Александровский дворец в Царском Селе стал их постоянной резиденцией и последним домом.

Свадьба императора Николая II и великой княгини Александры Фёдоровны. Художник Л. Туксен.

Превращение Николая Александровича из пользующегося относительной свободой наследника престола во властителя великой империи и женитьба в корне переменили образ его жизни. Все его время принадлежало теперь «дорогой родине».

Император вставал обычно в 8, а иногда и в 7 часов утра, завтракал и с 9 часов уже приступал к работе, с 10 до 11 он обычно гулял. После этого наступало время докладов. Обычно император принимал часов до четырех, с перерывом на второй завтрак, который подавали в час дня. Потом снова следовала прогулка, около часа император проводил с семьей и снова принимался за работу. В 8 вечера семья обедала, после чего работа продолжалась. Ложился спать Николай II после полуночи. Таким образом, рабочий день императора составлял 10–12 часов, причем примерно половину времени занимала бумажная работа – чтение докладов, записок с обязательным наложением резолюций. В дни, когда приемов не было, император посещал различные учреждения, участвовал в смотрах войск. Не всегда была у него возможность отдохнуть и в праздники. В отличие от своих сановников он не мог манкировать официальными мероприятиями или торжественными церковными богослужениями, должен был уделять внимание множеству поздравлявших его лиц. Ежегодно в Пасху, например, Николай II раздавал более трех тысяч пасхальных яичек из драгоценных металлов или уральских камней «изящной работы» – именно таково было число людей, с которыми ему приходилось

христосоваться. «Я работаю за троих, – говорил он. – Пусть каждый умеет работать хотя бы за двоих».



Император Николай II на теннисном корте. 1912 г. На правой руке видна татуировка.

Все это оставляло императору мало досуга. Но если такая возможность все же появлялась, проводил время за чтением, охотно занимался спортом. Николая II обоснованно считают одним из самых спортивных российских монархов. Император много ходил, увлекался верховой ездой, ездил на самокате, летом с удовольствием занимался плаванием и греблей. Из спортивных игр предпочитал теннис и кегли, причем в теннисе он был достойным противником чемпиону России по этому виду спорта графу Сумарокову-Эльстону. Не чуждо ему было и такое традиционное для высшего света развлечение, как охота. Он пристрастился к ней еще будучи наследником, был метким стрелком, так что ежегодно его охотничьи трофеи исчислялись сотнями. Другим увлечением Николая II, а потом и его детей, стала фотография, благодаря чему до наших дней дошло огромное количество снимков венценосцев в их частной жизни.

Царская семья жила очень просто. Они не любили

чрезмерной роскоши, сторонились помпезности. Тонкие вина, необыкновенные блюда, дорогие фрукты – все это появлялось на царском столе только в дни официальных приемов и торжеств. В обычные дни стол был простой, вина почти не было, только за завтраком и за обедом император выпивал по одной маленькой рюмке сливовицы или водки. Но если Николай II почти не пил, то курильщиком он был заядлым. Правда, в то время курение было широко распространено в обществе, и эта привычка не считалась ни дурной, ни вредной. В высшем свете обычно курили сигары, но Николай II, как, впрочем, и его супруга, их запаха не переносил. Сам он курил папиросы, которые вставлял в мундштук. Со временем эта особенность самодержцев привела к тому, что при дворе стало традицией курить именно папиросы.

Воцарение Николая II, подобно всем предыдущим, породило надежды на перемены. В печати появились статьи, где приветствия в адрес новой императрицы соседствовали с надеждой, что она внесет в русскую жизнь те начала, на которых была воспитана (речь шла об английском парламентаризме). На земских собраниях вновь заговорили об «увенчании здания» русской государственности – создании общероссийского земства, прообраза будущего общенародного представительства. Завуалированные надежды на скорые перемены звучали и в некоторых приветственных письмах и адресах, которые получал Николай II среди массы корреспонденции с выражением верноподданнических чувств.

Монарх мог не обратить внимания на подобные высказывания, мог выразить провинившимся свое неудовольствие через местную администрацию (в XIX столетии это было обычной практикой). Но он предпочел пойти по стопам отца. Оказавшись в сходной ситуации, Александр III издал манифест о незыблемости самодержавия (29 апреля 1881 г.), который стал политической отправной точкой его царствования. Нечто подобное намеревался сделать и Николай II.

17 января 1895 г. в Николаевском зале Зимнего дворца император принимал представителей от дворянства, земств и городов, прибывших в Петербург «для выражения их величествам верноподданнических чувств и принесения поздравления с бракосочетанием». Сказанная им в этот день короткая речь и стала ответом на разговоры о грядущих преобразованиях. Выйдя к депутатам, Николай II сказал:

«Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для изъявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне

известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель».

Это было первое публичное выступление молодого монарха, он сильно волновался: «…был в страшных эмоциях перед тем, как войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянства, земств и городских обществ», – записал он вечером в дневнике. Опасаясь, что от волнения позабудет, что нужно сказать, он положил в шапку шпаргалку. Но речь все же не прочел, а произнес, лишь изредка заглядывая в бумагу.

Речь 17 января отразила политическое кредо молодого монарха. Но она же продемонстрировала, что русское общество далеко не едино в своих верноподданнических чувствах. Депутаты ехали в Петербург, не зная, что услышат от царя. Большинство из них опасалось нового витка либеральных преобразований, так что для них речь императора прозвучала успокоительно. Но были и те, кто счел сказанное царем оскорблением в собственный адрес. Особенное негодование вызвало выражение «бессмысленные мечтания». В написанном варианте речи вместо слова «бессмысленные» стояло гораздо более подходившее к ситуации слово «беспочвенные», и император то ли оговорился, то ли пожелал усилить впечатление, но для русских либералов раздавшаяся с высоты престола уничижительная характеристика всех их устремлений звучала неприемлемо. Раздражены были и многие сановники, члены Государственного совета, министры. Раздражены не сутью, не смыслом слов царя, а той формой, в которую она была облечена. Если манифест Александра III призывал к единению общества и правительства, здесь, в словах Николая II, прозвучало нечто противоположное.

Реакция последовала сразу же. Уже к вечеру по Петербургу распространилось два совершенно разных описания этого события. Одни говорили, что речь императора «была сказана твердым и довольно суровым голосом. После произнесения этих слов государь повернулся и пошел назад к дверям, из которых вышел. Дворяне, мимо которых он проходил, кричали ура, представители земств молчали». Другие рассказывали иное: «Вышел офицерик, в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул «бессмысленными мечтаниями», – тут мы поняли, что нас за что-

то бранят, ну к чему же лаяться».

Речь была опубликована, а вслед за этим появилась прокламация: «Вы сказали Ваше слово; вчера мы еще совсем не знали Вас; сегодня все стало ясно; Вы бросили вызов русскому обществу, и теперь очередь за обществом, оно даст Вам свой ответ». Этим ответом либеральной и тем более радикальной интеллигенции стал новый рост революционных настроений и антиправительственной агитации, идущее крещендо пренебрежительное отношение к монарху.

Впрочем, дело было не только в самой речи. К этому времени Николай II сумел зарекомендовать себя интеллигентным и обаятельным правителем. Его мягкость и приветливость резко контрастировали с более резкой манерой поведения, свойственной его отцу. Более того, его первые шаги казались отступлением от традиций прошлого царствования. В день свадьбы он приказал убрать выстроенные шпалерами (так называли шеренги войск, выстроенные по обеим сторонам пути следования высочайших особ) войска. Так что при проезде императорской четы от Зимнего до Аничкова дворца народ, пришедший посмотреть на свадьбу, мог свободно тесниться вокруг царских саней. Зарубежные газеты особенно отметили этот «красивый и смелый жест» молодого монарха. Затем последовало увольнение генерал-губернатора Царства Польского И. В. Гурко, проводившего русификаторскую политику, и милостивый прием делегации польского дворянства. Еще более смущающими для консерваторов были новогодние награды и назначения, когда, среди прочих, отмеченными оказались те лица, которых не жаловал Александр III. Все это привело к тому, что с новым императором связывались самые затаенные надежды. В нем видели реформатора, способного круто повернуть руль российской государственности.

Сказанная 17 января речь была огромным диссонансом с этими настроениями, ушатом холодной воды на разгоряченные головы. Она настолько не соответствовала сложившимся представлениям об императоре, что сразу же пошли разговоры, что автором ее был кто-то другой, а царь лишь уступил настояниям. Составителями называли министра внутренних дел И. Н. Дурново, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, известного своим консерватизмом дядю царя великого князя Сергея Александровича… И хотя довольно быстро выяснилось, что Николай II собственноручно написал сказанные им на приеме строки, и ближайшее окружение до последнего момента даже не знало, что он собирается говорить, отголосок неверия современников в самостоятельность императора до сих пор

встречается в научной и учебной литературе.

Формированию легенды о слабости и несамостоятельности императора способствовало и несоответствие решительных слов Николая II его образу. Невысокого роста (1 м 68 см), в скромной полковничьей форме, он заметно проигрывал на фоне дворцовой роскоши, золоченых придворных и военных мундиров. В определенной степени это было ошибкой самого монарха. Еще при жизни отца для Николая Александровича был сшит генеральский мундир, поскольку планировалось приурочить к скорой свадьбе его производство в генералы. Следующий день после смерти Александра III был днем воцарения нового императора. Утром камердинер приготовил ему генеральский мундир и «жирные» эполеты, но Николай Александрович отказался надеть обнову и тем самым произвести себя в генералы. До конца жизни он так и остался полковником. Но скромность и невнимание к внешним отличиям негативно сказались на его имидже императора, стали причиной пренебрежительных отзывов о «маленьком полковнике». В январе 1895 г. было положено начало формированию мифа о последнем самодержце. Чем дальше, тем увереннее раздавались голоса о ничтожности его личности, тем более что очень скоро выяснилось, что Николай II – «малосамолюбивый царь» и способен «терпеть многое, чего не потерпел бы его отец» (С. Ю. Витте).

Свою роль в формировании восприятия монарха сыграли и первые отзывы о нем министров. Человек совершенно иного склада, нежели его отец, не обладавший на первых порах достаточным государственным опытом, Николай Александрович производил впечатление правителя, легко поддающегося влиянию. Он был очень обаятелен, умел очаровать собеседника – дар, присущий из его предков только Александру I. Занимавший пост министра финансов в начале царствования Николая II С. Ю. Витте писал: «Я не знаю таких людей, которые, будучи первый раз представлены Государю, не были бы им очарованы; он очаровывает как своей сердечной манерой, обхождением, так и в особенности удивительной воспитанностью, ибо мне в жизни не приходилось встречать человека более воспитанного, нежели наш Государь».

Но после решительного и не всегда сдержанного в словах Александра III свойственная его наследнику мягкость воспринималась как слабость. Дело усугублялось тем, что Николай II не очень любил высказывать свое мнение и тем более спорить. Он был неконфликтным человеком, знал, что последнее слово в любом случае останется за ним, и при расхождении мнений не считал нужным высказываться и вызывать новый виток

аргументов. «Зачем вы постоянно спорите? – спросил он как-то одного из своих приближенных. – Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему!» Действительно, в случае несогласия с министром Николай II не снисходил до дискуссии. Спустя несколько дней после доклада обычно посылал министру записку с категорическим требованием дать делу тот ход, который желал император. И министр, ушедший от монарха в убеждении, что их мнения совпадают, терялся в догадках, чье «темное влияние» изменило точку зрения самодержца.

Эти черты характера подметили еще его преподаватели. Один из них, К. И. Хис, вспоминал, что еще в детстве Николай Александрович был настолько независим в своих суждениях и настолько уверен в себе, что переубедить его было нелегко. Скрытая за внешней благожелательностью твердость характера (или упрямство, по мнению некоторых исследователей) оставалась незамеченной современниками. Во многом этому способствовала и присущая императору сдержанность. Графологи, которым его первая учительница давала ученические тетради будущего монарха, говорили, что определяющей чертой его характера является скрытность. Николай Александрович никогда не горячился, не терял самообладания, и лишь в крайних случаях давал собеседнику понять свое недовольство холодностью обращения. Его учителя вспоминали, что даже в детстве во время ссоры он, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брал книгу и только успокоившись, возвращался и вновь принимался за игру, как будто ничего не произошло. Удивительная в ребенке сдержанность сохранилась и в зрелые годы. Привычка скрывать свои эмоции была столь сильна, что современники говорили даже о бессердечии монарха, его «отрешенности» или о непонимании им всей важности происходящего. Более проницательные люди видели иное. Одним из них был принц Генрих Прусский. Брат германского императора Вильгельма II и кузен русского монарха, он осенью 1901 г. гостил у Николая II в Спале и, вернувшись на родину, докладывал германскому канцлеру, что характер Николая II совсем не таков, каким привыкли его видеть. «Царь благожелателен, любезен в обращении, но не так мягок, как зачастую думают, – говорил принц. – Он знает, чего хочет, и не дает никому спуску. Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй».

Лепту в формирование негативного образа внесла и Александра Фёдоровна, которая и после свадьбы вела недопустимую для императрицы уединенную жизнь. Она мало принимала, кроме общих приемов, – только дам по две-три, так

что даже приближенным к Николаю II было нелегко с ней познакомиться. На невозможность представиться императрице жаловался и его старый учитель К. П. Победоносцев. Этому были свои причины. Дело в том, что родные языки Александры Фёдоровны – немецкий и английский – при дворе были приняты мало. По-французски она говорила с ошибками, а по-русски вообще стеснялась произнести хотя бы слово, хотя все понимала. Кроме того, Александра Фёдоровна скованно чувствовала себя на публике. Во время представления депутаций 17 января она, по воспоминаниям современника, «держалась совершенно одеревенело» и даже не приветствовала делегатов, когда они друг за другом проходили перед императорской четой. На фоне всегда любезной и улыбающейся императрицы-матери Марии Фёдоровны это выглядело особенно странно. В обществе заговорили о гордости, недоступности молодой царицы, ее презрении к свету и светским обычаям.

Коронация

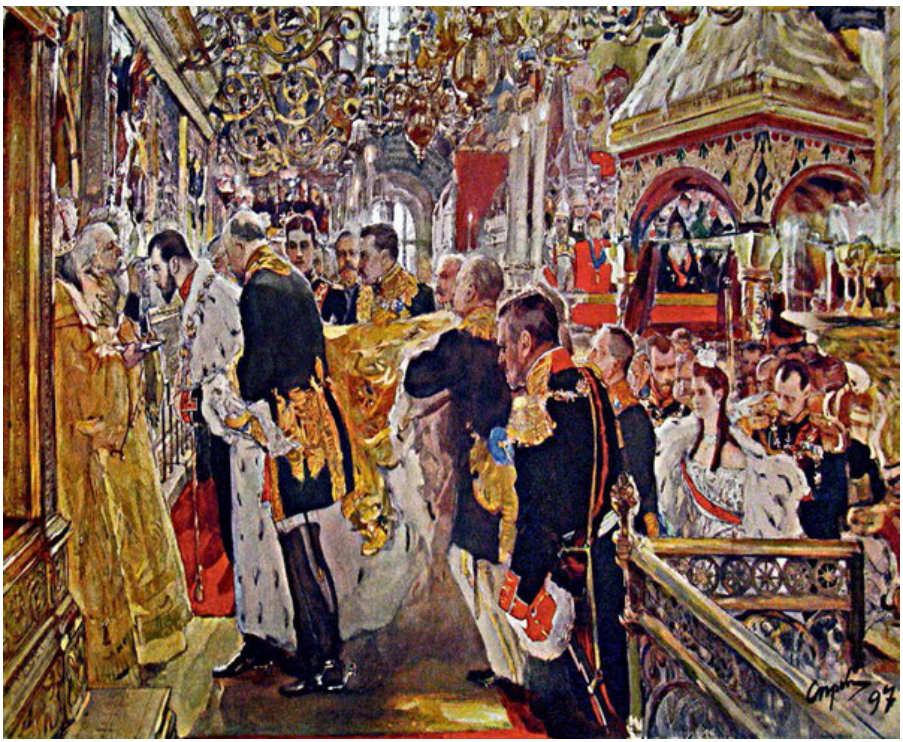
Второй шаг в направлении мифологизации личности и политики последнего русского самодержца был сделан во время коронационных торжеств 1896 года. Коронация всегда проходила в первой столице России – Москве, в Успенском соборе Кремля, и сопровождалась целой чередой празднеств. На протяжении XIX века эти празднества становились все более пышными. В 1896 г. только их подготовка заняла более 4 месяцев, а сами торжества продолжались три недели.

Николай II и Александра Фёдоровна прибыли в Москву 6 мая и остановились в путевом Петровском дворце. 9 мая состоялся их торжественный въезд в столицу, причем царь согласно традиции ехал на белом коне, подкованном серебряными подковами. Все время въезда непрестанно звонили колокола московских церквей. 11 мая было торжественно объявлено о священном короновании, назначенном на 14 мая.

Для Николая Александровича и его супруги день венчания на царство был полон мистического смысла. Готовясь принять миропомазание, три дня перед этим они постились. А утром 14 мая, вдохновленные и взволнованные, заняли свои места в процессии. Специально для этого дня в Кремле от Большого дворца до Успенского собора был построен помост, устланный коврами. По нему, сопровождаемые непрерывным колокольным звоном и криками «ура!» прошли в собор Николай II и Александра Фёдоровна. На паперти их встретило духовенство во главе с московским митрополитом Сергием.

В соборе после приветственных слов митрополита Петербургского и Ладожского Палладия царь прочитал Символ Веры. Затем начался чин коронования. Император облачился в порфиру, приказал поднести ему большую императорскую корону, сам надел ее, взял в руки скипетр и державу. После этого к нему подошла императрица Александра Фёдоровна, опустилась на колени. Царь снял свою корону, дотронулся ею до лба жены (это символизировало, что свои права она получает только как супруга царя) и затем надел ей на голову малую корону. После этого, встав на колени, император прочел особую коронационную молитву, начинающуюся словами: «Боже Отцов и Господи милости, Ты избрал мя еси Царя и Судию людям Твоим». Когда он поднялся, на колени опустились все присутствующие, и прозвучала молитва народа за царя. Затем последовала торжественная литургия, после которой царь и царица были миропомазаны. Миропомазание царя – «на челе Его Величества,

очах, ноздрях, устах, ушах, персях и на руках» стало возможным благодаря специальным разрезам на одежде. Царица была помазана священным миром только на челе. Сразу после миропомазания колокольный звон и салют из 101 выстрела возвестили народу, что таинство совершилось. Император, уже помазанник Божий, вошел в алтарь через Царские врата, и там приобщился святых таинств «по царскому чину» (как священнослужитель), то есть отдельно Тела и Крови.



Коронация. Миропомазание Николая II в Успенском соборе. 1896 г. Художник В. А. Серов.

Вслед за службой в Успенском соборе последовало коронационное шествие – посещение императорской четой Архангельского и Благовещенского соборов, и наконец, поднявшись на Красное крыльцо, царь и царица трижды земно поклонились народу – перед собой, направо и налево. После этого в Грановитой палате состоялся торжественный обед, на котором присутствовали более 250 гостей. А вечером императрица зажгла освещение на балконе Кремлевского дворца, и тут же вспыхнули тысячи электрических лампочек, осветив кремлевские стены, башни и купола и поразив присутствующих невиданным зрелищем. Вечером царь записал в дневнике: «Все, что произошло

в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь».

За главным событием последовала череда празднеств, обедов, балов и разнообразных развлечений. Но тринадцатый день торжеств – 18 мая – был омрачен катастрофой. В этот день на Ходынском поле устраивались народные гулянья с выдачей «царских гостинцев»: в узелок были завязаны памятная кружка, булка, колбаса и большой пряник. Для этого в восточной части поля было выстроено 150 буфетов и 10 павильонов для раздачи вина и пива. Фактически это было повторением народных гуляний тринадцатилетней давности, в дни коронации Александра III. Тогда павильонов было меньше, но пришедшие на гулянья 200 000 человек они обслужили без труда. Планируя повторить то же самое, но в несколько большем масштабе, организаторы и представить не могли, что на это раз вместо двухсот тысяч за подарками придут больше полумиллиона, причем задолго до назначенного на 10 часов утра открытия гуляний.

Народ на краю Ходынского поля стал собираться еще с утра 17 мая, но день и половина ночи прошла спокойно: пришедшие сидели у костров, спали, некоторые пели и плясали. После полуночи пронесся слух, что буфетчики стали выдавать гостинцы «своим», и на всех подарков не хватит. Толпа заволновалась, люди подступили к будкам, но запретную черту никто не переходил. Порядок поддерживали 200 полицейских.

К концу ночи ситуация стала более тревожной. Подходили новые желающие получить гостинцы, толпа сжималась теснее, детей стали поднимать на руках над головами, чтобы спасти от давки. По позднейшей экспертизе, в это время в толпе уже появились погибшие от удушья. В 6 часов утра кто-то стоявший наверху ближайшей трибуны махнул шапкой. Народ принял это за разрешение, и началось то, что назовут потом «светопреставлением». Очевидец вспоминал: «Толпа вскочила вдруг как один человек и бросилась вперед с такой стремительностью, как если бы за нею гнался огонь… Задние ряды напирали на передние, кто падал, того топтали, потеряв способность ощущать, что ходят по живым еще телам, как по камням или бревнам». Катастрофа продолжалась 10–15 минут, но многим казалось потом, что прошли часы. К 7 часам утра все успокоилось. Прибыли полицейские подкрепления, толпа была рассеяна. В 8 часов утра о происшедшем уже докладывали московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, а в половине десятого об этом узнал и император. Первоначально полагали, что жертвами стало около

100 человек. К вечеру 18 мая выяснилось, что в давке и от увечий погибло 1138 человек, позже эта цифра возросла до 1282, а неофициальные источники называли 1389 человек. Вывоз трупов продолжался до 4 часов вечера, так что по пути на Ходынское поле, где они должны были присутствовать на народном празднике, царь с царицей встретили вереницу покрытых рогожами телег с телами погибших.

Позже ходынская катастрофа станет одним из ключевых моментов в формировании негативного образа последнего императора, настоящим подарком для антимонархической агитации. Николая II будут обвинять в том, что он не отменил празднества, что вечером того же дня поехал на бал к французскому послу графу Монтебелло, что оставил безнаказанными главных виновников катастрофы – верхушку московской администрации во главе с генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем.

Чем же диктовались в те дни действия царя? Богопомазанный император, он видел свою задачу в том, чтобы в самые тяжелые моменты сохранять спокойствие духа и способность здраво судить обо всем происходящем, не поддаваться истерическим выкрикам, не слушать огульных обвинений. Произошедшее, несомненно, было печальным событием, но не национального масштаба, и жертвы Ходынки вовсе не были невинноубиенными или мучениками.

Николай II с волостными старшинами и представителями

сельского населения окраин России во дворе Петровского дворца 18 мая 1896 года. Художник И. Е. Репин.

Как частный человек император мог сочувствовать, горевать. Он посещал панихиды по погибшим, несколько раз навещал раненых в больницах и успокаивал людей, со слезами на глазах просивших у него прощения, что своим «неразумием» испортили «такой праздник». Из казны по его распоряжению каждой семье, где были погибшие или пострадавшие, была выдана огромная сумма в 1000 рублей, похороны были приняты на государственный счет, а для осиротевших детей был учрежден особый приют. Было начато расследование причин катастрофы.

Но как царь, как правитель великой европейской державы Николай II не мог позволить, чтобы этот трагический, но в общем частный случай мог повлиять на государственную жизнь России. Коронация была важнейшим национальным торжеством, на которое съехались делегации из многих стран мира. Среди гостей были коронованные особы, наследные принцы, представители аристократии и правительств. К слову сказать, торжества 1896 г. стали первым большим государственным празднеством, зафиксированным на кинопленку. В 1896–1897 гг. эта первая в истории политическая хроника неоднократно демонстрировалась в Петербурге, а ее создатели получили специальные награды – перстни с бриллиантами.

По этикету царская чета должна была присутствовать на всех официальных мероприятиях, утвержденных Министерством императорского двора. Исключений быть не могло, и желание самих царей во внимание не принималось. Днем 18 мая они побывали и на Ходынском поле, а вечером того же дня был запланирован бал у французского посла. С точки зрения дипломатии отказ именно от этого посещения был невозможен: Франция была союзницей России, и день коронации русского императора был отмечен с государственным размахом. 14 мая Париж был украшен русскими и французскими флагами, по всей стране были отменены занятия в школах, а для чиновников сокращен рабочий день; в армии с солдат были сложены многие взыскания и им выдали по добавочной порции вина. Французский президент Феликс Фор и члены правительства присутствовали на торжественном богослужении в русском соборе Святого Александра Невского на улице Дарю. Размах празднества был таков, что германский посол писал даже о «культе России», «насаждаемом сверху» французским правительством.

После этого отказ посетить бал посла союзной державы выглядел бы политически некорректно и мог испортить добрые

отношения между странами, тем более что в отличие от русских оппозиционеров европейцы склонны были отнестись к происшедшему довольно спокойно. Еще большее удивление поднявшаяся шумиха вызвала у восточных гостей: китайский посол Ли Хун Чан считал, что такие печальные вести не следовало не только публиковать, но и докладывать императору, чтобы напрасно его не огорчать.

Итак, Николай II поехал на бал 18 мая, но настроение его было далеко не праздничным. Присутствовавший на балу начальник французского Генерального штаба генерал Р. Ш. Буадефр хотел подбодрить императора. Он подошел к нему, стал говорить, что несчастные случаи бывают везде, «например, у нас во Франции во время коронации Людовика XVI…». Генерал не закончил. Потом он рассказывал, что почувствовал вдруг вокруг полярный холод, и конец фразы застыл у него на языке.

Еще большего спокойствия и здравомыслия потребовало от императора дело о виновниках случившейся катастрофы. Пресловутое «общественное мнение» (в данном случае от его имени выступали редакции нескольких либеральных изданий) требовало наказания высших чиновников Москвы во главе с генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Император, однако, считал, что у случившегося есть конкретные виновники, чья нераспорядительность и промедление и привели к беде. Обвинять же во всем высшее начальство совершенно бессмысленно. Впоследствии следствие подтвердило эту точку зрения. Установив отсутствие какой-либо злой воли, оно назвало главными виновниками случившегося следившего в тот день за порядком московского полицмейстера, его помощников и начальника «Особого установления по устройству народных зрелищ», чьи непредусмотрительность и несогласованность действий имели столь трагические последствия. Виновные подверглись разным наказаниям, вплоть до увольнения, но случилось это спустя целых два месяца после коронации.

Пока же празднества шли своим чередом. Завершились они только 26 мая парадом войск и обедом представителям московских правительственных и сословных учреждений в Александровском зале Кремлевского дворца. В тот же день императорская чета покинула Москву.

Международная политика

Начало правления Николая II было отмечено важными инициативами на международной арене. Авторитет России стоял тогда неизмеримо высоко. Убеждение в ее могуществе и непобедимости было едва ли не всеобщим. Ее правительству не было необходимости «бряцать оружием», чтобы добиться уважения своих интересов, не нужны ей были и новые военные конфликты. «Все, чего хочет Россия, – чтобы ее оставили в покое», – писал Николай II английской королеве Виктории в начале 1899 г.

Вместе с тем не мог он не замечать, что далеко не все монархи думают так же, как он. На рубеже XIX–XX вв. – впервые в истории – развернулась настоящая гонка вооружений. Ведущие страны мира поспешно вооружались, готовясь к борьбе за перераспределение колониальных владений. Николай II понимал, что избежать участия в общеевропейской войне России не удастся. Предотвратить или хотя бы отсрочить это столкновение было его заветным желанием. В 1898 г., несмотря на скептицизм собственных дипломатов, он даже выступил с поразившей Европу инициативой «положить предел непрерывным вооружениям, изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастия» и созвать с этой целью конференцию ведущих держав мира. Правда, энтузиазма эта инициатива не вызвала. В конце концов конференция все же собралась. Она проходила в Гааге с 6 (18) мая по 17 (29) июля и была довольно представительной. Всего в ней участвовали 26 государств: двадцать европейских, четыре азиатских (Япония, Китай, Сиам и Персия) и два американских (Соединенные Штаты и Мексика). Однако уже в ходе подготовки конференции Николай II потерял к ней интерес, предвидя ее неудачу.

С. Ю. Витте.

Конференция действительно не имела далеко идущих практических результатов. Ее главная цель – прекращение гонки вооружений – достигнута не была. Пункт программы о «сохранении на известный срок настоящего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные надобности» был отвергнут целиком, остальные – о сокращении или запрете разных видов вооружений – получили компромиссное решение. Но даже достигнутые соглашения (например, о неприменении отравляющих веществ) были с легкостью нарушены в ходе Первой мировой войны.

На протяжении нескольких столетий внешняя политика русских государей имела четкую европейскую направленность. Однако с середины XIX в. Россия все больше ощущала себя евразийской державой, и правление Николая II стало значимым шагом на этом пути. Первым из русских правителей он во всеуслышание заявил, что видит задачу своего царствования в том, чтобы укрепить и расширить русское влияние в Восточной Азии. Эта «большая азиатская программа» русского царя подразумевала развитие Сибири и Дальнего Востока и активную политику в дальневосточном регионе по укреплению экономических связей с соседними державами, прежде всего с Китаем.

Мирное продвижение России в Китай началось в 1896 г.,

когда она получила право на строительство железнодорожной магистрали через территорию Манчжурии – малонаселенной области на северо-востоке Китая. Строительство продолжалось в 1897–1903 гг., в результате Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром, стала южной, более короткой веткой той Сибирской магистрали, в закладке которой принимал участие Николай Александрович в 1891 г. КВЖД принадлежала России, обслуживалась ее подданными и давала возможность России усилить свое присутствие в Китае. Таким же мирным путем распространялось русское влияние и в Корее. Здесь его проводником было Русское лесопромышленное товарищество, приобретшее охватывавшую всю северную Корею концессию на эксплуатацию обширных лесов по рекам Тумен и Ялу. Для богатой лесом России концессия не имела экономического значения, но была чрезвычайно важна с политической точки зрения – с ее помощью северная Корея превращалась в своеобразный заслон перед манчжурской границей. Недаром вопрос, приобретать ли эту концессию, решался лично Николаем II, а одним из участников предприятия стал великий князь Александр Михайлович. Неторопливое мирное расширение сферы влияния как нельзя лучше отвечало интересам России, однако на этом пути у нее оказалось немало конкурентов. Еще с середины XIX в. дальневосточные государства (Китай, Япония, Корея) стали объектом европейской экспансии, причем европейские страны также постоянно расширяли свое присутствие в этом регионе. Но еще большую тревогу русского правительства вызывало усиление Японии. Единственной из восточных стран ей удалось избежать европейской эксплуатации. Путем невероятных усилий менее чем за полвека она прошла путь от полуколонии до великой державы. Следующим шагом должно было стать создание обширной империи – Великой Японии, включающей Полинезию, Филиппинские острова, Зондский архипелаг, Австралию, Сиам, побережье Китая, Монголию, Манчжурию, Корею и русский Дальний Восток (Амурскую, Приморскую и Якутскую области, Камчатку, Сахалин, Беринговы острова). Япония и стала основным противником России по распространению ее влияния на соседние Китай и Корею. Попытка разграничить сферы влияния, предпринятая в 1901 г., успеха не имела. Японская дипломатия в то время носила довольно агрессивный характер и, соглашаясь признать Манчжурию (которой Россия уже фактически владела) сферой интересов России, требовала ее полного ухода из Кореи – при том, что на тот момент Корея считалась независимой и пользовалась покровительством России. Николай II согласился со

своими министрами, что такое предложение неприемлемо.

Для Российской империи, однако, ситуация осложнялась тем, что, превосходя Страну восходящего солнца по численности населения и соответственно военных сил, в самом Дальневосточном регионе Россия по этим показателям была гораздо слабее Японии. Восточные территории экономически были слабо связаны с центром страны. Сибирская железнодорожная магистраль протяженностью около 8 тысяч километров от Челябинска до Владивостока не была достроена. Сквозное движение было открыто в июле 1903 года, но участок вокруг Байкала к этому времени не был завершен, грузы перевозились на паромах, так что в середине пути образовывалась пробка, снижавшая пропускную способность дороги. Не закончена была и русская морская программа.

В этих условиях Николаю II предстояло решить – стоит ли России уступить нажиму Японии или все же отказаться от любых компромиссов и уступок как снижающих престиж государства. В правящих кругах России были представители обеих точек зрения. Наибольшее противодействие «партии силы» оказывал министр финансов С. Ю. Витте. Побывав на Дальнем Востоке в 1902 г., он вернулся полный самых пессимистических настроений: считал, что русское дело в регионе проиграно, на всех совещаниях последовательно выступал за политику уступок, но одновременно продолжал утверждать, что со временем Манчжурия «естественным» образом станет полностью зависимой от России или даже войдет в ее состав. Несмотря на противоречивость, позиция Витте в целом разделялась и русскими либеральными кругами. Общественные деятели в то время не интересовались геополитическими проблемами, не увлекались большой политикой и, не понимая, что пассивность неизбежно приведет к вытеснению России с Дальнего Востока, склонны были объяснять втягивание России в военный конфликт происками «безобразовцев» (по имени одного из организаторов Русского лесопромышленного товарищества в Корее А. М. Безобразова), желавших нажиться на корейских лесах и подталкивающих царя к войне исключительно ради защиты этого «злосчастного коммерческого предприятия».

Реальная ситуация была гораздо сложнее. Не желая войны, пытаясь избежать ее, Николай II все же считал, что Россия должна быть готова к любому сценарию развития событий. Но в своем стремлении усилить военное присутствие на Дальнем Востоке ему приходилось бороться с завуалированным противодействием собственных министров, главным образом финансов и военного. Еще в 1898 г. Россия арендовала у Китая Квантунский полуостров

с крепостью Порт-Артур, к северу от которой началось строительство города-порта Дальний. Именно Дальний, считал Витте, требует вложения наибольших средств, поскольку в перспективе станет наиболее удобным незамерзающим портом России на Тихом океане. Восстановление и перестройка крепости интересовала его меньше. Со своей стороны, военный министр Куропаткин был уверен, что Япония не отважится воевать в одиночку, не заключив союза с европейской державой, и готовился к войне на два фронта, причем восточному фронту придавалось второстепенное значение. Императору приходилось все время «подталкивать» своих министров. «Я не переставал в течение двух лет ему говорить, что надо укрепить позиции на Дальнем Востоке, – писал Николай II о Куропаткине императору Вильгельму в апреле 1904 г. – Он упорно противился моим советам до осени, а тогда уже было поздно усиливать состав войск».

Командующий Маньчжурской армией, главнокомандующий

вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин.

Чтобы добиться своего, императору нужно было прежде всего получать информацию о положении дел из иных источников, чем министерские доклады. Таким источником стали донесения «квантунцев» – так в обществе называли единомышленников императора – наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева, управляющего делами «Особого комитета по Дальнему Востоку» контр-адмирала А. М. Абазу, статс-секретаря А. М. Безобразова. Они были, писал Куропаткин в воспоминаниях, «государевым оком», «орудием, которым государь колол нас», «горчичником», не дававшим министрам уснуть. И тем не менее к концу 1903 г. преодолеть отставание от Японии на Дальнем Востоке России не удалось. По мнению Николая II, России требовалось еще два-три года, чтобы Япония перестала представлять для нее угрозу. Правда, эти годы предстояло еще пережить, а все более милитаризующаяся Япония не собиралась давать России такого шанса. Уже в январе 1903 г. русский посланник в Токио барон Р. Р. Розен отмечал возросший риск военного столкновения, а концу года русской разведке стала известна даже примерная дата начала войны.

Наступил 1904 год. Русско-японские переговоры становились все более бесперспективными. Наконец 24 января переговоры были прерваны Японией, а еще два дня спустя, 27 января, японские корабли атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Но только на следующий день – 28 января – Япония официально объявила войну России.

Русско-японская война продолжалась полтора года и складывалась неблагоприятно для России. Первые месяцы войны основные события происходили на море, но русский флот недолго мог сдерживать превосходящие силы противника. В мае 1904 г. японцы без боя захватили неукрепленный Дальний, который стал удобной базой для высадки японской армии, и отрезали Порт-Артур от сообщения с Россией.

Сухопутные сражения начались в апреле и также первоначально проходили с большим численным перевесом японской стороны. Только к лету 1904 г. русской армии удалось добиться численного паритета. В больших сражениях этой войны – при Ляояне (11–22 августа), на реке Шахэ (22 сентября) и трехнедельное сражение при Мукдене в феврале 1905 г. – численное превосходство, хотя и незначительное, принадлежало уже русской стороне. Однако все эти сражения так и не были

доведены до конца: командующий русской армией генерал Куропаткин отводил войска, так что итог битвы оставался неопределенным. Русские отступали в полном порядке, но недовольство командованием и разочарование в войсках росло. Военные планы Куропаткина предполагали отступление до Харбина. Но так далеко русские отойти не успели. После Мукденского сражения Николай II отстранил Куропаткина от командования.

Война к этому времени уже приняла позиционный характер, Япония контролировала Корею и Южную Манчжурию, Россия – Центральную и Северную Манчжурию. Русские накапливали силы, укрепляя свои позиции и готовясь к летнему наступлению. К этому времени Транссибирская магистраль была полностью закончена, ее пропускная способность по сравнению со временем начала войны возросла в три раза. Из центральной России в Манчжурию перебрасывались свежие корпуса, пулеметные роты, артиллерия, инженерные части. К лету численность русской армии достигла 500 тысяч человек. В гораздо более сложном положении была Япония, фактически исчерпавшая свои людские и финансовые ресурсы. Тактика «просчитанного отступления» Куропаткина, рассчитывавшего задержать противника под Порт-Артуром и обессилить его в Манчжурии ценой минимальных потерь с русской стороны, оправдывалась.

Николай II был уверен, что теперь военное счастье окажется на стороне русских. Эту уверенность не смогли поколебать даже два последних крупных события войны. В морском Цусимском сражении (27–28 мая) Япония, в очередной раз воспользовавшись превосходством в дальнобойности своих орудий, почти полностью уничтожила русскую эскадру, переброшенную на Дальний Восток с Балтики. В июле довольно легко, одной дивизией, был захвачен Сахалин – 14 тысяч японцев против 6 тысяч русских, значительную часть которых составляли ссыльные и каторжане. Но Николай II считал, что ни эти успехи, ни господство японцев на море не могут помешать конечной победе России. Пораженческие настроения, захватившие русское общество, оставались ему чужды и непонятны. Зная положение дел на фронте, ситуацию с внутренними резервами в Японии и в России, император был уверен, что для победы России нужно лишь немного выждать.

«Буду продолжать войну до конца, – писал Николай II императору Вильгельму в октябре 1904 г., – до дня, когда последний японец будет изгнан из Маньчжурии». Он последовательно отвергал все предложения о мире, исходным положением которых было признание России проигравшей

стороной. Первое предложение такого рода поступило еще летом 1904 г., когда выяснилось, что ни военное превосходство Японии, ни внезапность нападения не привели к быстрому разгрому русской армии, и война затягивается. Второй раз Николай II отказался от ведения переговоров о мире после Мукдена. В третий раз вопрос был возбужден после разгрома русского флота в Цусимском проливе. Собранный в связи с этим предложением Николаем II совет подавляющим большинством высказался за переговоры: сановников беспокоила не военная мощь Японии, в победе над которой никто не сомневался, а общественные настроения и разгоравшаяся в стране революция. В конце концов император согласился с большинством. Но при этом он определил ту исходную точку, на основании которой Россия соглашалась на переговоры: в войне, заявил он, нет ни победителей, ни проигравших, но существует обоюдная заинтересованность воюющих сторон в прекращении кровопролития.

Главой русской делегации был назначен С. Ю. Витте. Это назначение выглядело несколько странным, если учитывать, что Витте, и до войны бывший сторонником мирного решения вопроса, теперь вполне разделял пораженческие настроения, царившие в русском обществе. По пути на переговоры он даже говорил своим друзьям в Германии, что лично он считает возможным ради заключения мира не только передачу японцам Сахалина, но и уплату значительной контрибуции. Однако в Портсмуте Витте представлял позицию императора, которая далеко расходилась с его собственной. Николай II был категорическим противником прекращения военных действия как раз в тот момент, когда должно было проявиться превосходство России над противником. В те дни он писал императору Вильгельму: «Ты знаешь, как я ненавижу кровопролитие, но все же оно более приемлемо, нежели позорный мир, когда вера в себя, в свое Отечество была бы окончательно разбита… Я готов нести всю ответственность сам, потому что совесть моя чиста и я знаю, что большинство народа меня поддержит. Я вполне сознаю всю громадную важность переживаемого мною момента, но не могу действовать иначе».

Николай II вообще не считал, что переговоры могут закончиться успехом. Все получаемые им сведения говорили о критическом положении японских финансов, о жизненной необходимости для Японии получить с России контрибуцию. Отправившаяся в Портсмут русская делегация даже не везла с собой предварительных условий соглашения. Витте получил только одно указание – не соглашаться ни на какие формы

выплаты контрибуции, которую Россия никогда не платила, и не уступать «ни пяди русской земли». Требования Японии – полный уход России из Кореи и Манчжурии, уступка Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, передача Японии южной ветки КВЖД (от Харбина до Порт-Артура), выдача русских судов, укрывшихся в нейтральных портах, и ограничение права России держать флот на Дальнем Востоке, выплата контрибуции и согласие на аннексию Сахалина и прилегающих островов – были для русского императора абсолютно неприемлемы.

Мирная конференция открылась в Портсмуте (поскольку посредником на переговорах выступал президент США) 27 июля 1905 г. Витте, настроенный гораздо более пессимистично, чем Николай II, довольно быстро согласился (хотя и с некоторыми оговорками) на те пункты, которых прямые указания императора не касались, – о признании японского преобладания в Корее, о передаче Порт-Артура, разрешении японцам ловить рыбу у русских берегов, об эвакуации Манчжурии (ее должны были покинуть войска обоих противников) и даже о передаче японцам захваченного ими участка (примерно 2/3) южной ветки КВЖД. Но дальше переговоры зашли в тупик. Уже через неделю после начала конференции ее центр сместился из Портсмута в Петергоф, где жил тогда царь. Стремясь к прекращению напряженности в регионе, американский президент Рузвельт то предлагал русскому императору замаскировать контрибуцию выкупом северной части Сахалина, то угрожал, что в случае отказа Россия может потерять не только Владивосток, но и Восточную Сибирь, то уговаривал, что Россия владела Сахалином всего 30 лет и без флота все равно не сможет вернуть его себе. Но все его посреднические усилия разбивались о спокойную уверенность русского монарха. В конце концов Николай II ответил, что самой большой уступкой с его стороны может быть согласие на отдачу южной части Сахалина при условии, что японцы обязуются не укреплять ее, а северную половину вернут без всякого вознаграждения. 16 августа русская делегация огласила это предложение. К великому изумлению всех присутствовавших, глава японской делегации после короткого молчания объявил, что в целях восстановления мира японское правительство принимает эти условия.

На Николая II это известие подействовало ошеломляюще. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике, что посылая Витте в Америку, император «был настолько уверен в неприемлемости наших условий, что, не допускал и возможности мира. Но когда Япония приняла наши условия, ничего не оставалось, как заключить мир». Узнав о заключении мира,

Николай II и Александра Фёдоровна, писала современница, были «точно в воду опущены». Сходным образом описывал свое состояние и сам император. «Ночью пришла телеграмма от Витте, что переговоры о мире приведены к окончанию. Весь день ходил, как в дурмане, – замечал он 17 августа. – Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен, и что это, вероятно, хорошо, потому что должно быть так». Не менее тяжелое впечатление произвел договор и в армии. «Ни одна из испытанных нами неудач, – вспоминал впоследствии Куропаткин, – не подействовала на нашу армию таким вредным образом, как этот преждевременный, ранее победы, мир».

Нельзя отрицать, что в заключении соответствующего достоинству России мира есть немалая заслуга Николая II. Без настойчивости императора условия могли быть много хуже, но все же война окончилась бесславно. И это подорвало престиж России. В 1905 г. вера в ее непобедимость исчезла. Впечатление внутренней слабости страны, несмотря на внешнюю мощь и великолепие, усилила и внутренняя смута, разгоревшаяся как раз в это время.

Царь-реформатор

Заявленное 17 января 1895 г. намерение «охранять начало самодержавия» совсем не означало, что Николай II отказывается от любых преобразований. Как и его отец, Николай Александрович понимал, что быстрое социально-экономическое развитие России, особенно ускорившееся с конца XIX века, требует от власти адекватного реагирования на все новые вызовы времени. Царствование Александра III, который не только вывел Россию из периода смуты, но и умел совмещать экономическую модернизацию с сохранением традиционной политической системы, сочетать сильное самодержавие и общественную самодеятельность, – казалось его сыну едва ли не идеалом.

Начало царствования Николая II ознаменовалось двумя актами, имевшими большое значение для социальной и экономической жизни страны.

28 января 1897 г. была произведена первая (и единственная в дореволюционный период) всеобщая перепись населения Российской империи. Несколько раньше, в самом начале января того же 1897 г., была проведена денежная реформа, вводившая свободный обмен кредитных билетов на золото. Введение золотого стандарта, или монометаллизма, как называлась такая денежная система, укрепило внутренний и внешний курс рубля, способствовало привлечению в страну иностранных инвестиций. Однако при подготовке реформы она вызывала множество возражений. Говорили, что переход к золотому рублю неминуемо поведет к банкротству, что Россия слишком бедна, и золото либо уйдет за границу, либо его припрячет население, что реформа заранее обречена на провал и грозит только ненужными потрясениями. Реформа встречала противодействие не только в газетной и журнальной публицистике, но и в научных журналах и обществах, даже среди сановников в главном законосовещательном органе империи – Государственном совете. Несмотря на приходящую со всех сторон критику, Николай II так и не изменил своего решения. Передавая министру финансов С. Ю. Витте поступившие к нему записки, в которых содержалась критика реформы, он сказал: «Вот я вам отдаю записки, которые мне были поданы; я их не читал – можете оставить их у себя!» Спустя несколько дней после этого, 3 января 1897 г., царь подписал указ о начале осуществления реформы – чеканке новой золотой монеты. В этом небольшом эпизоде еще раз проявилась характерная черта императора – его способность, отстраняясь от

мнений многочисленных критиков и советников, следовать раз принятым решениям. Опасения пессимистов не оправдались, золотой рубль не вызвал никаких экономических потрясений. И впоследствии не любивший Николая II и написавший о нем в своих воспоминаниях немало нелицеприятного С. Ю. Витте вынужден был признать, что без доверия, твердости и поддержки монарха ему не удалось бы «совершить эту величайшую реформу», которая служит «украшением царствования императора Николая II».

Серьезная реформаторская деятельность Николая II началась несколько позже.

Николай II не стремился к реформам ради реформ, сторонникам преобразований даже в кризисные периоды не удавалось соблазнить его славой великого реформатора. Вместе с тем император считал, что есть целый ряд вопросов, откладывать которые нельзя ни в коем случае. В первую очередь правительство должно обратить внимание на весь комплекс проблем, связанных с сельским хозяйством. Впервые он заявил об этом в Курске в августе 1902 г.: император обещал позаботиться о действительных нуждах крестьян и поддержать поместное землевладение. Спустя несколько месяцев, 26 февраля 1903 г., был издан манифест с говорящим названием «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Манифест представлял собой перечень тех направлений государственной жизни, которые верховная власть считала нуждающимися в улучшениях. Среди этих преобразований – реформа местной администрации, улучшение положения православного духовенства, содействие благосостоянию поместного дворянства и крестьянства, отмена круговой поруки, свобода вероисповеданий и т. п. Часть этих реформ требовала долговременной подготовки, некоторые были проведены почти сразу, как, например, отмена круговой поруки, состоявшаяся уже две недели спустя, 12 марта 1903 г.

Между тем в России нарастали тревожные тенденции. На рубеже столетий с новой силой вспыхнуло студенческое движение, в мае 1901 г. состоялось первое крупное выступление рабочих, переросшее в столкновение с полицией. Весной 1902 г. Полтавскую и Харьковскую губернии охватили крестьянские волнения. На земских собраниях снова зазвучали речи о необходимости пробуждения общественной деятельности, борьбы с произволом бюрократии. Еще активнее действовали революционеры. В 1898 г. объединились в партию

многочисленные кружки социал-демократов, образовав Российскую социал-демократическую рабочую партию, которая 5 лет спустя раскололась на фракции меньшевиков и большевиков. В 1902-м оформилась партия социалистов-революционеров, задачей входившей в ее состав Боевой организации стали террористические акты против представителей правоохранительных органов и видных чиновников имперской России.

На фоне растущего оппозиционного движения царь не торопил, но и не останавливал готовящиеся реформы. По своим политическим убеждениям Николай II был последовательным консерватором. Считал, что на Руси «всегда было единение и доверие» царя и народа, что это единение не исчезло, и его можно почувствовать, стоит только преодолеть «средостение» (бюрократию и «общество»), которое воздвигает между царем и народом почти непроницаемую стену. Еще в детстве его захватила мысль быть царем, любимым народом. Преподававший маленькому Николаю Александровичу английский язык К. И. Хис рассказывал, что как-то он читал со своим воспитанником один из эпизодов английской истории, где описывался выезд короля, любившего простонародье, и которому толпа восторженно кричала: «Да здравствует король народа!» «Глаза у мальчика так и заблистали, – вспоминал Хис, – он весь покраснел от волнения и воскликнул: “Ах, вот я хотел бы быть таким!”» Во время поездок по России император никогда не упускал случая пообщаться с простыми людьми. В армии (на учениях и потом, во время войны) любил побеседовать с солдатами, и даже в ссылке искал возможности поговорить с охраной, часто втайне от коменданта приходил в караулку, играл с ними в шашки, расспрашивал о житье-бытье. Но совершенно особенным опытом было для императора участие в торжествах прославления преподобного Серафима Саровского (1759–1833). Старец Серафим был широко почитаем еще при жизни. Вопрос о его канонизации был поднят в 1883 г., но решение затянулось. Потребовались инициатива и даже прямое распоряжение Николая II, чтобы канонизация наконец состоялась.

Торжества прославления нового святого прошли в Сарове в присутствии императорской семьи в июле 1903 г. Это событие привлекло множество паломников. По разным оценкам, в торжествах участвовало от 150 до 300 тысяч человек, съехавшихся со всей России. Празднование продолжалось 4 дня. Все это время царь находился в гуще народа, ощущал преклонение монархически настроенной толпы, имел возможность без всяких посредников, напрямую, говорить с крестьянами, духовенством,

местным дворянством. Это тесное общение укрепило в императоре веру в его народ. Приближенные заметили, что после саровских торжеств слова «царь» и «народ» все чаще стали соседствовать в речи монарха.

Для него, для этого народа, Николай II и проводил свои преобразования. И этому народу не нужны были политические реформы. Что бы ни происходило в стране, царь считал, что изменений в государственном строе империи «хотят только интеллигенты, а народ не хочет». Если же крестьяне и рабочие и участвуют в движении, то только потому, что поддались преступной пропаганде, позволили обмануть себя революционным агитаторам. Это убеждение Николай II сохранял до последних дней своего царствования.

В какой-то мере он даже надеялся на поддержку и защиту народа против конституционных требований либералов. В конце 1904 г., когда на повестку одного из государственных совещаний впервые был поставлен вопрос о введении представительства, царь заявил, что «мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда – я вас поздравляю, господа!».

Император был глубоко убежден, что какие бы требования ни выдвигала либеральная интеллигенция, реальных оснований в России для изменения политического строя нет. Парадокс, однако, заключался в том, что Николай II хотел быть монархом, любимым всеми своими подданными, мечтал о социальном мире в стране. Конструктивный диалог с оппозицией казался ему предпочтительнее конфронтации, даже если ради этого диалога приходилось идти на какие-то уступки. Но уступчивость власти приводила только к повышению требований и новым уступкам.

Первый шаг в этом направлении был сделан Николаем II во время русско-японской войны. Охватившее русское общество негодование на вероломное нападение и патриотический подъем оказались кратковременными, неудачи военных действий стали еще одним предлогом для толков о необходимости отказаться от чисто бюрократического пути управления и провести кардинальные реформы. Николаю II, все помыслы которого были в это время на фронте, такая позиция общественных кругов представлялась досадной помехой. Но чем шире разворачивалось в стране оппозиционное движение, тем чаще задумывался он о необходимости снизить растущее напряжение. Наконец решение было принято. В августе 1904 г. вновь назначенный министром внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский официально заявил, что главными направлениями его деятельности будут расширение прав местного самоуправления и печати,

либерализация политики по отношению к окраинам, веротерпимость и даже разрешение рабочих сходок для обсуждения экономических вопросов – все то, о чем так много и долго говорили либералы. Но вопреки ожиданиям объявленная Святополк-Мирским «эра доверия» обществу привела не к примирению, а наоборот, к эскалации требований.

Поздней осенью – зимой 1904 г. в России проходили осенние сессии городских дум и земских собраний, резолюции подавляющего большинства которых включали требования отмены чрезвычайных положений, введения гражданских свобод, политической амнистии и даже народного представительства. В поддержку этих резолюций сразу же началась планомерная «банкетная» кампания – по всей России устраивались многолюдные банкеты с политическими речами за «осетриной с хреном», как иронизировали современники. Банкеты завершались принятием резолюций с требованием политических реформ вплоть до введения конституции. Один из лидеров московских либералов того времени, Василий Маклаков, вспоминал, что требование представительства «превратилось в шаблон, который не волновал никого». Решения оформлялись в виде адресов, от которых «не ждали практических последствий, но за них и не боялись репрессий».

Репрессий действительно не было. Царь отреагировал только однажды. Поводом к этому стал адрес Черниговского губернского земского собрания. Как и многие другие, он содержал рассуждения об отсутствии в стране гражданских свобод, засилье бюрократии и необходимости призвать свободно избранных представителей земства для выработки необходимых реформ. Вот только передан он был председателем губернского земского собрания А. А. Мухановым по телеграфу. Реакция Николая II последовала незамедлительно. Резолюция, которую он потребовал опубликовать, гласила: «Нахожу поступок председателя черниговского губернского земского собрания дерзким и бестактным. Заниматься вопросами государственного управления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законами». В обществе эту резолюцию сравнивали с произнесенной в начале царствования фразой царя о «бессмысленных мечтаниях». Действительно, за истекшие 10 лет царствования позиция императора не изменилась ни на йоту. «Отчего могли думать, что я буду либералом? – спрашивал он в том же ноябре 1904 г. – Я терпеть не могу этого слова». Народное представительство в любой форме рассматривалось им как шаг к конституции, к парламенту, а согласиться на это он не мог.

Император был готов пойти на любые другие уступки –

расширить права местного самоуправления, устранить излишние стеснения печати, пересмотреть закон об инородцах, ввести начала религиозной терпимости и государственное страхование рабочих, обеспечить самостоятельность судов… И все это действительно делалось. Но на все намеки, предложения и даже требования созыва народных представителей или земского собора он еще в январе 1905 г. отвечал: «Что же мне делать, если это против моей совести?»

Наступил февраль. Судьба войны решалась в мукденском сражении, а газеты помещали статьи самого пессимистического характера, общественные лидеры требовали представительства с широкими правами вплоть до подчинения ему правительства, а ближайшие сановники и даже родственники со всех сторон уговаривали уступить, пока не стало слишком поздно, пугали революцией, народными волнениями, расколом общества…

Великий князь Сергей Александрович.

Время требовало от него решительных действий, а вокруг императора все меньше оставалось людей, на кого он мог опереться, кто разделял с ним веру в необходимость сохранения в России неограниченного самодержавия. Одним из этих немногих был великий князь Сергей Александрович. Но утром 4 февраля

1905 г. случилось несчастье. При выезде из Кремля в карету великого князя была брошена бомба. Карету разнесло в щепки, а пассажира разорвало на мелкие куски, так что не все части тела удалось впоследствии собрать. Для Николая II это было ударом. А между тем он не мог даже поехать на похороны (в отличие от других великих князей Сергей Александрович был похоронен не в Петербурге, а в Москве, в Чудовом монастыре). Императору доносили, что террористы готовят покушение и на него, а его гибель могла стоить России чрезвычайно дорого – шла война, наследнику не было и года, а брат Михаил стоял далеко от государственных дел.

В конце концов 18 февраля император подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина с поручением разработать проект привлечения «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Речь шла ни много ни мало как о создании представительства – Государственной думы – той самой «парламент-риляндии адвокатов», о которой император еще недавно отзывался как о ненужном и даже вредном для России учреждении. Сложно даже представить, какой прессинг должен был испытывать Николай II, чтобы решиться на такой шаг, но раз решение было принято, он уже не сходил с избранного пути. Манифест об учреждении Государственной думы был подписан 6 августа. Дума должна была стать законосовещательной и собраться на первую сессию в середине января 1906 г. События, однако, приняли совершенно иной, драматический оборот.

1905 год

Этот год стал временем испытания не только политической воли Николая II, но и его веры в монархизм русского народа.

Все началось вечером 8 января, когда императору сообщили о готовящейся в Петербурге рабочей манифестации и принятых полицией для ее предотвращения мерах. На следующий день выяснилось, что размах движения был гораздо больше, нежели думал Николай II. Уже несколько дней, как бастовавшие рабочие задумали принести петицию о своем тяжелом положении царю в Зимний дворец. Манифестация состоялась, несмотря на предупреждения градоначальства о ее запрете и отсутствие Николая II в столице – император с семьей первую зиму жил тогда в Царском Селе.

В воскресенье, 9 января, рабочие с утра выступили несколькими колоннами из разных частей города, чтобы к 2 часам дня сойтись у Зимнего дворца. Некоторые несли иконы и царские портреты. Всего в шествии участвовало до 300 тысяч человек. Дойдя до кордона войск, демонстранты не остановлись: впереди шли руководители, которые увлекали за собой толпу. Не остановливал их и холостой залп. В некоторых местах офицеры пытались уговорить рабочих повернуть назад. И были случаи, когда в ответ из толпы раздавался выстрел. В конце концов войска открывали огонь и толпа рассеивалась. По разным данным, 9 января погибло от 96 до 130 человек и было ранено несколько сот. Но поражало не столько количество убитых, которое молва сразу же преувеличила, сколько сам факт массового выступления и столкновения толпы с войсками на улицах столицы. «Тяжелый день! – записывал Николай II вечером в дневнике. – В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» Но еще больше, чем сам факт выступления, возмутило его содержание петиции, которую несли рабочие. После ее прочтения у царя исчезли всякие сомнения в том, что шествие было организованной революционерами провокацией.

Петиция начиналась понятными всем словами о тяжелой жизни трудящихся, причем краски все больше сгущались. «Нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества…» «Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не заботящегося об интересах народа, но

попирающего эти интересы». «Мы немногого просим, – заявляли составители петиции, – мы желаем только того, без чего наша жизнь – не жизнь, а каторга…» Далее следовали собственно «просьбы». На первом месте стояла самая «главная просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших ран» – немедленный созыв Учредительного собрания, выборы в которое должны проходить при условии всеобщего, тайного и равного голосования. Затем следовало еще 13 требований, в том числе политическая амнистия, гражданские свободы, ответственность министров перед народом, прекращение войны по воле народа, отделение церкви от государства, свобода стачек, отмена выкупных платежей, постепенная передача земли народу и прочее. Некоторые пункты заканчивались словом «немедленно»: «Свобода потребительно-производственных и профессиональных рабочих союзов – немедленно». «Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно». «Нормальная заработная плата – немедленно». В конце царю предлагалось поклясться, что он исполнит эти «просьбы».

Император был потрясен, но не снимал с себя ответственности. Он отверг идею манифеста, в котором наряду с выражением скорби заявлялось бы о его неведении о готовящемся выступлении. 19 января в Царском Селе, принимая депутацию из рабочих разных заводов, император прямо заявил, что они «дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины». «Стачки и мятежные сборища, – говорил император, – только возбуждают толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить… Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах – преступно».

9 января, в революционных кругах сразу получившее название «Кроваве воскресенье», не поколебало веру царя в любовь к нему простого народа. Считая 9 января следствием преступной провокации, император поступил с рабочими как добрый отец по отношению к неразумным детям. Он распорядился отпустить 50 тысяч рублей на пособия семьям пострадавших, поручил сенатору Шидловскому созвать комиссию для выяснения нужд рабочих при участии выборных из их среды.

Но тревоги императора только начинались.

Зимой и весной 1905 года по стране прокатились крестьянские волнения. Это не были обычные «бунты» крестьян, сводившиеся к отказу платить подати и выдавать зачинщиков. Теперь в деревне царила анархия. Захват, разграбление и поджоги

усадеб стали массовым явлением. И хотя до убийства помещиков дело еще не дошло, землевладельцев охватила паника. Летом 1905 г. произошло ошеломившее Николая II восстание на одном из лучших кораблей Черноморского флота, броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Бунт в армии в военное время – «просто не верится», – записывал он в дневнике.

В сентябре – октябре 1905 года Россию охватила политическая стачка. Первыми 19 сентября объявили забастовку московские печатники. Затем к ней присоединились рабочие других профессий, забастовки перекинулись в другие города, а требования приобрели ярко выраженный политический характер, вплоть до созыва Учредительного собрания. В начале октября было парализовано железнодорожное движение, перестали выходить газеты. Полиция оказалась неспособна противодействовать расширяющемуся хаосу и анархии. Противодействие забастовке, как и сама она, развивалось стихийно, снизу. Уставшие от отсутствия продуктов и лекарств, неработающего водопровода и транспорта, вынужденные прекращать работу из-за невозможности доставить все необходимое для производства и торговли, обыватели сами поднимались на защиту порядка. Народная толпа – «черная сотня», как назвали ее впоследствии – стала действенной силой для борьбы с забастовщиками всех видов. Первые столкновения начались в Москве уже 14 октября и, как и забастовка, стали распространяться дальше. На определенном этапе развития стачка повсюду неизбежно встречала противодействие и постепенно стихала. Это было медленное, ползучее движение, с обеих сторон сопровождавшееся насилием и грабежами.

В правительственных кругах в это время главной темой разговоров была необходимость навести порядок, однако относительно способов достижения этой цели мнения разделились. Одни считали единственным выходом диктаторские методы, другие склонялись к успокоению народа введением либеральной конституции. Первоначально император склонялся к тому, чтобы «назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу» (наиболее вероятной кандидатурой на эту роль ему представлялся любимый в армии великий князь Николай Николаевич). Однако дальнейшие перспективы представлялись ему смутными. Обнаружившийся разлад между властью и широкими кругами общества нельзя было исправить только силовым путем. Смуту можно подавить и выиграть передышку. Но что потом? «Снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, т.

е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый…» Другим путем было предоставление гражданских прав населению, создание единого правительства во главе с премьер-министром и преобразование законосовещательной думы в законодательную, что для императора было равнозначно конституции. Сторонником этой последней точки зрения был С. Ю. Витте, соглашавшийся даже в этом случае взять на себя ответственность и принять пост премьер-министра, но что еще более удручало, почти все, к кому император обращался с вопросом, отвечали ему «так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет». Дни Николая II были заполнены совещаниями и разговорами на одну и ту же тему. Они «начинались утром и кончались вечером при темноте». И чем дальше, тем больше убеждался император, что вокруг него почти не осталось сторонников неограниченного самодержавия, готовых принять на себя ответственность и идти до конца. Великий князь Николай Николаевич, на которого царь возлагал столько надежд, грозил застрелиться, если Николай II предпочтет диктатуру и назначит его диктатором. Это стало последней каплей, подтолкнувшей императора согласиться на уступки. «России даруется конституция, – с горечью записывал он. – Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное». 17 октября в 5 часов дня Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка».

Сам Николай II, Витте, да и многие сановники ожидали, что день опубликования манифеста, 18 октября, если и не превратится во всеобщий праздник, то по крайней мере станет днем единения и примирения. Но этого не произошло. Если умеренные слои общества считали, что теперь можно пойти на соглашение с властью, левые расценивали манифест лишь как промежуточную победу, признак слабости противника. Лидер левых либералов П. Н. Милюков узнал о манифесте в Москве в Литературном кружке. Ликующие сторонники подняли его на руки, поставили на стол в центре ресторанной залы и заставили произнести речь. Подняв бокал шампанского, Милюков сказал: «Ничто не изменилось, война продолжается». И эту точку зрения разделяли многие. По стране прокатилась новая волна митингов. Не стихало и революционное движение. Дело дошло до вооруженного восстания в Москве (9 – 18 декабря 1905 г.), подавлять которое пришлось военной силой.

Во время обсуждения и в первые недели после опубликования манифеста современники склонны были расценивать его как

конституцию. Но, строго говоря, таковой он не был. По сути, это была очередная декларация намерений правительства. Правда, на этот раз заявленные планы преобразований включали все основные требования оппозиции: гражданские свободы (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов), признание думы не законосовещательным, а законодательным органом. Однако для того, чтобы все это стало действительностью, надо было еще разработать соответствующие законы. В этой ситуации многое зависело от того, какую окончательную форму примут планируемые преобразования, а в конечном итоге – от воли императора, без подписи которого не мог быть реализован ни один закон. А сам он с самого начала относился к манифесту именно как к конституции. Более того, при обсуждении текста император не пытался обойтись минимальными уступками. Эту свою позицию он объяснял тем, что предпочитает «давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же».

Решение далось Николаю II очень тяжело. «Ужасные дни», «страшное решение», писал он матери. Но после того как это решение было принято, он не считал себя вправе отказываться от данного слова. Принимая в декабре представителей монархических организаций, чуть ли не требовавших от монарха отмены манифеста и подтверждения незыблемости самодержавия, император сказал: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению».

И со всей присущей ему аккуратностью и пунктуальностью монарх принялся за исполнение тех мер, сторонником которых не был. В правительстве началась разработка закона о выборах в Государственную думу (он был подписан в разгар московского восстания, 11 декабря), была объявлена амнистия политическим заключенным, введены новые правила о печати (упразднявшие предварительную цензуру), резко сокращены размеры выкупных платежей для крестьян. Николай II не отстранился от готовящихся преобразований, не пустил дело на самотек. Вновь образованное объединенное правительство – Совет министров во главе с Витте – заседал каждую неделю, и не где-нибудь, а у императора, который принимал активное участие в обсуждении новых законов.

Самым болезненным для Николая II, конечно, оставался вопрос об ограничении его власти. Одним из следствий манифеста 17 октября была необходимость изменения Основных

законов империи, первая статья которых гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит самодержавная и неограниченная власть». «Вот – главный вопрос… – сказал Николай II на первом же совещании, посвященном его обсуждению. – Целый месяц я держал этот проект у себя. Меня все время мучит чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье I Основных законов уже 109 лет… Уверен, что 80 процентов народа будут со мною. Это дело моей совести, и я решу его сам». Через три дня император вычеркнул слово «неограниченная», оставив лишь «самодержавная».

Безостановочно и последовательно Николай II реализовывал положения манифеста. В то же время ему не раз приходилось сдерживать увлекающихся, подталкивать растерявшихся. При разработке закона о выборах в Государственную думу он выступил категорически против предлагаемой некоторыми сановниками четыреххвостки (так в просторечии называли общие прямые равные и тайные выборы). Допустить такие выборы при отсутствии не только политической зрелости, но и элементарной грамотности у основной массы избирателей император не мог – это значило бы ввергнуть страну в неуправляемый хаос. «Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия», – писал он матери 8 декабря 1905 года.

Но не поддержал он и Витте, который после московского восстания резко переменил свои взгляды. «Теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона», – говорил по этому поводу Николай II. Предложение Витте не допускать публичных заседаний Думы, так как «невежественная публика» забросает министров «мочеными яблоками да ревущими кошками», не нашло поддержки у императора. Заседания Думы не только остались публичными, но публиковались и их стенографические отчеты.

Другой проблемой, с которой пришлось столкнуться монарху, было стремление сановников, в том числе и членов Совета министров, уйти от ответственности за происходящее. Полгода, прошедшие с издания манифеста 17 октября до собрания Первой Государственной думы, были в полном смысле слова историческими. На многочисленных заседаниях и совещаниях решалась судьба России, вырабатывались законы и положения, по которым стране предстояло жить. Такие решения сложно принимать даже в спокойное время. Легко понять смущение

сановников, вынужденных решать столь трудную задачу в взволнованной революционными событиями стране. Нужен был вождь, лидер, способный повести за собой колеблющихся и растерянных. И таким вождем стал не председатель Совета министров Витте, а сам император. «У меня каждую неделю раз заседает Совет министров, – писал он матери 10 ноября 1905 года. – Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять».

В это время как нельзя более полезными для страны оказались такие качества последнего монарха, как не оставлявшие его даже в сложной ситуации спокойствие и здравомыслие; способность, выслушивая множество мнений, оставаться независимым от них; умение принимать существующую реальность и действовать в соответствии с ней, не увлекаясь эфемерными построениями.

Все это определило отношение императора и к Думе. Николай II не строил себе иллюзий. В конце 1905 г. он говорил Витте: «Я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Тем не менее он считал, что открытие первого народного представительства России должно быть обставлено с максимальной торжественностью. Первый день работы Думы, 27 апреля 1906 года, начался с приема императором членов обеих палат – Государственной думы и Государственного совета. Прием проходил в Большом тронном (Георгиевском) зале Зимнего дворца. Специально для этого случая из Москвы были доставлены государственные регалии: государственное знамя, государственный меч, скипетр, держава и царская корона. Это было необычное зрелище. Впервые на торжестве государственной важности присутствовали люди, стоявшие неизмеримо далеко от придворного мира. «От таких всего можно ожидать», – говорили сановники, поглядывая на депутатов Думы, чьи косоворотки, пиджаки и сюртуки резко контрастировали с великолепием окружающей обстановки, парадными мундирами, лентами и орденами придворных и высших чиновников, драгоценностями дам.

Торжественное открытие Государственной думы и Государственного совета в Зимнем дворце. Николай II произносит тронную речь. 27 апреля 1906 г.

Николай II прибыл в столицу из Петергофа утром, сразу отправился в Петропавловскую крепость и целый час молился у гробницы Александра III. Торжество в Зимнем началось около двух часов дня. В это время из внутренних покоев дворца под звуки государственного гимна двинулось торжественное шествие во главе с императором и двумя императрицами. Только через 15 минут шествие достигло Тронного зала. Был отслужен молебен. Затем, вспоминал один из депутатов, Николай II один прошел к трону, «неторопливо поднялся на ступени; повернулся лицом к присутствующим и торжественно, подчеркивая медлительностью движения значение совершающегося, воссел на трон. С полминуты он сидел неподвижно в молчании, слегка облокотившись на левую ручку кресла. Зала замерла в ожидании». Затем Николай II поднялся и зачитал речь, которую впоследствии хвалили даже самые последовательные противники монархии. В ней царь приветствовал «лучших людей» России, говорил о трудной и сложной работе, которая им предстоит, выражал надежду, что думцы отдадут «все свои силы на самоотверженное служение Отечеству… памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права». «Да

знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика земли Русской, днем возрождения ее лучших сил», – закончил император. Речь произвела очень большое впечатление. Некоторые сановники были растроганы до слез. С одобрением была встречена она и депутатами, тем более что часть из них еще помнила первое публичное выступление императора 17 января 1895 г. «Государь – настоящий оратор», – говорили они. «У него отлично поставлен голос…», речь произнесена «с полным пониманием каждой фразы, ясно и искренне».

В этот день Николай II демонстрировал не только величие и красоту императорской России, но и то, что Государственная дума является теперь ее частью. На короткое время ему даже удалось сплотить единым чувством сторонников самодержавия и его непримиримых противников. Но первые же шаги народного представительства глубоко возмутили его.

Первая Дума, названная современниками «Думой народного гнева», только и делала, что требовала. Требовала политической амнистии и прекращения преследования «борцов за свободу» – на фоне непрекращающегося революционного террора; ответственного министерства – в то время как сами депутаты не отвечали даже перед собственными избирателями; всеобщего избирательного права – в стране, где большинство населения было неграмотно. Но последней каплей, которая переполнила чашу терпения Николая II, стало требование безвозмездного отчуждения помещичьих земель и передачи их крестьянам. Через газетные публикации отчетов заседаний Думы это требование стало известно всей стране и во многих местностях было воспринято крестьянами как призыв к насильственному перераспределению земли. По стране прокатилась новая волна аграрных беспорядков. Сотрудничество правительства с такой Думой оказалось невозможно. За 72 дня своего существования Дума одобрила только два законопроекта.

П. А. Столыпин.

Николай II оказался не одинок в своем возмущении поведением депутатов. Все смелее звучали голоса о непригодности парламентаризма для России, о необходимости совсем уничтожить Думу, превратить ее, как планировалось первоначально, в законосовещательную или хотя бы изменить не оправдавшую себя избирательную систему. Но император не торопился менять лишь недавно установленный порядок. Подписанный им 9 июля 1906 г. Манифест о роспуске Государственной думы подтверждал сохранение в силе всех касающихся ее установлений. Выборы во Вторую Государственную думу проходили по тому же закону, что и в Первую. Император давал парламентаризму второй шанс. «Скоро станет ясно, – писал он после начала работы Второй думы в феврале 1907 г., – пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом или начнет терять время и свой небольшой престиж болтовней и ругательствами. Поживем – увидим!» Однако и на этот раз конструктивной работы с народным представительством не получилось. Через 3 месяца ее существования Николай II решил воспользоваться тем механизмом, который позволял ему, не нарушая закона, собственной властью исправлять выявившиеся недостатки нового государственного устройства. Этот механизм заключался в 87-й статье Основных законов. Если предыдущая, 86-я статья гласила, что «никакой новый закон не может

последовать без одобрения Государственного совета и Государственный думы и воспринять силу закона без утверждения государя императора», 87-я статья позволяла императору издавать законы в форме «чрезвычайных указов» между сессиями законодательных палат, снимала зависимость государственной жизни от состава и настроений народного представительства. Еще в 1906 году она дала возможность начать проводить наиболее значимую реформу царствования Николая II – так называемую столыпинскую аграрную реформу, основные законодательные акты которой были приняты в августе – ноябре 1906 года именно по 87-й статье. В 1907 г. она позволила императору в том же самом манифесте 3 июня, в котором объявлялось о роспуске Второй думы, объявить об изменениях в избирательном законе. «Изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства способа избрания ее членов, – говорилось в манифесте. – Только Власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской». Это заявление означало конец двоевластия Думы и правительства, ясно указывая, кому принадлежит верховная власть при всех разногласиях и спорах. Оно же означало конец революции и утверждение в России нового строя – думской монархии, которую часто называют еще Третьеиюньской монархией.

После революционных потрясений 1905–1907 гг. политическая жизнь России постепенно входила в привычную колею.

Третья, а затем и Четвертая дума проработали весь отведенный им срок, хотя врастание представительства в государственное устройство империи шло непросто. Но все намеки правых о том, что теперь, когда все успокоилось, можно отказаться от Думы и вернуться в неограниченному самодержавию, император игнорировал. Вместе с тем необходимость сотрудничать с Думой усложнила поиск людей на ведущие посты. От министра требовались теперь не только профессионализм, но и способность публично отстаивать свою позицию, противостоять прямым и нередко агрессивным нападкам, убедительно выступать с думской трибуны. Государственных деятелей, отвечающих всем этим требованиям, в окружении императора было немного. Удачным выбором стало

назначение на пост министра внутренних дел, а потом и премьер-министра саратовского губернатора П. А. Столыпина. Он умел четко проводить правительственную линию, не заискивать перед думскими вожаками и вместе с тем находить поддержку у думского большинства. Гибель Столыпина в сентябре 1911 г. была серьезным ударом для государства. Его преемникам не удавалось нащупать ту золотую середину, которая позволяла Столыпину проводить его курс. Результатом стало новое расхождение между властью и обществом. С весны 1912-го стало заметно полевение настроений в стране. Все дальше в оппозицию уходила бывшая при Столыпине опорой правительства в Думе партия октябристов. Но до поры до времени эти явления оставались малозаметны. Тем более что в целом предвоенные годы были благоприятны для России. Это было время культурного и экономического подъема страны. Порядок и процветание, казалось, навсегда отодвинули в прошлое недавнюю смуту.

Зримым воплощением успехов России стали празднования столетия победы над Наполеоном в августе 1912 г. и особенно 300-летия царствования Дома Романовых в феврале 1913-го. В связи с юбилеем династии в мае 1913 года император предпринял 10-дневную поездку по Средней России, по тем местам, где зародилась Московская Русь, и которые затем сыграли важную роль в событиях 300-летней давности. Царь и царица вместе с детьми посетили Москву, Владимир, Суздаль, село Боголюбово, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, Ростов и через Москву вернулись в Петербург. Во время этой поездки Николай II впервые после долгого перерыва оказался посреди огромной приветствовавшей его народной толпы и еще раз убедился в нерушимости союза русского царя и его народа.

Дела семейные

По мере успокоения страны император смог больше времени посвящать семье. Только там он мог расслабиться, найти любовь, понимание и поддержку. Между супругами с самого начала установились теплые, доверительные отношения, и такими оставались они на протяжении более двадцати лет. Но именно здесь, в семье, возникла проблема, беспокоившая императора не меньше, чем революционная смута и военные неудачи, поскольку касалась самого дорогого для супругов человека, их единственного сына – наследника престола Алексея Николаевича.

Великий князь Георгий Александрович за письменным столом. Абастуман, 1890-е гг..

Николай II вступил на престол в 26 лет, не имея сына и даже не будучи женат. Но иметь наследника он был обязан. В манифесте, возвещающем о смерти Александра III и собственном восшествии на престол, Николай II объявил своим наследником и цесаревичем брата Георгия Александровича. Назначение было чисто формальным. Туберкулез легких, заставивший Георгия в свое время прервать путешествие на Восток вместе с Николаем Александровичем, прогрессировал. В то время лечения этой болезни не существовало, и единственным способом улучшить состояние больного было пребывание на курорте. Наиболее подходящим местом для Георгия Александровича врачи посчитали местечко Абастуман (Аббас-Туман) на Кавказе, в Грузии. Там он и жил почти безвыездно. Ему запретили даже приехать в Петербург на похороны отца, пропустил он и коронацию Николая II. 28 июня 1899 г. во время поездки по горной дороге «на велосипеде с бензиновым двигателем» у него пошла горлом кровь, и спустя несколько минут великий князь

скончался. После его смерти наследником был объявлен третий сын Александра III, еще неженатый Михаил. Но титул цесаревича ему передан не был. Согласно закону о престолонаследии, изданному еще Павлом I в 1797 г., этот титул мог принадлежать только непосредственному наследнику престола, а не предполагаемому. Царь же все еще надеялся на рождение сына, тем более что дети в его семье рождались регулярно. Первенцем царской четы стала великая княжна Ольга (3 ноября 1895 г.). Вслед за ней одна за другой появились еще три дочери – Татьяна (29 мая 1897 г.), Мария (14 июня 1899 г.) и Анастасия (5 июня 1901 г.). Положение Михаила Александровича было двусмысленным – он был «временным» наследником престола, как бы «исполняющим обязанности», до того, как у него появится племянник. Но насколько близок он был к престолу, показал уже следующий, 1900 год. В конце октября 1900 г. царь тяжело заболел. Сначала его недомогание посчитали простудой, но вскоре выяснилось, что это брюшной тиф. В Ливадию, где жила тогда царская семья, были вызваны лучшие врачи. Положение оставалось крайне серьезным более двух недель, улучшение наступило в середине ноября, а об окончательном выздоровлении стало возможным говорить только в конце месяца.

Великий князь Михаил Александрович.

Тяжелая болезнь императора, не имеющего сына-наследника, всполошила сановников. Серьезно обсуждался вопрос, что делать, если «случится несчастье» и император умрет, – объявить царем Михаила Александровича или ждать разрешения от бремени императрицы, что должно было случиться только в начале лета. Царь выздоровел, и принимать такого решения не потребовалось. Однако династический вопрос оставался на повестке дня. С течением времени все больше беспокоил он и императора с императрицей. Но они не оставляли надежды на рождение сына. Как ни странно, но поддержку и утешение они нашли не в церкви, а у французского спирита и гипнотизера Филиппа Низье-Вашо, в 1901 г. ставшего первым «Другом» царской семьи.

Мсье Филипп был известным в свое время представителем нетрадиционной медицины. Он лечил нервные болезни, занимался предсказаниями, был видным оккультистом. Появление такого человека при русском дворе не было чем-то необычным. В России увлечение спиритизмом, в том числе и в высшем свете, началось со второй половины 1860-х годов. Пик этих настроений пришелся на рубеж XIX–XX столетий. Мистики и целители разного род стали частыми гостями великосветских салонов. Немало было среди них и шарлатанов. Но как бы ни относиться к мсье Филиппу, все его пациенты отмечали одно – он умел утешать и укреплять. Это мнение разделял и Николай II. «После всего слышанного от него – так легко жить и переносить всякие невзгоды», – писал он в апреле 1902-го. Именно Филипп предсказал императрице Александре Фёдоровне рождение сына – «если не на этот раз, то непременно на следующий».

Очередная беременность императрицы, однако, родами не закончилась. Летом 1902 г. лейб-акушер Отт диагностировал замершую беременность (прекращение развития плода и его гибель). «После этого грустного события, – записывал в дневнике Николай II 20 августа 1902 г., – окончилась искусственным образом та неизвестность, в которой мы жили последнее время». В «Правительственном вестнике» было опубликовано соответствующее сообщение. В обществе, однако, распространилась странная история о лже-беременности, ничего общего не имевшая с действительностью, но тем не менее воспринимавшаяся как непреложный факт. Рассказывали, что 30-летняя императрица, мать 4 детей, была настолько загипнотизирована Филиппом, что убедила себя в том, что беременна, отказалась от услуг врачей и забеспокоилась только когда внезапно начала худеть. Призванный ею придворный акушер обнаружил, что никакой беременности нет и не было.

Так впервые частная жизнь царской семьи стала предметом

инсинуаций, бороться с которыми не было никакой возможности. При нежелании Александры Фёдоровны вести более светский образ жизни оставалось только не обращать внимания на сплетни. Но игнорирование слухов никак не могло предотвратить их появление и распространение.

Николай II и Александра Фёдоровна на яхте «Штандарт».

Давно ожидаемое событие произошло 30 июля 1904 года. После почти 10 лет брака у царя родился сын. Мальчика назвали Алексеем, – в честь особенно почитаемого Николаем II предка – царя Алексея Михайловича. Родители были счастливы. Правда, пять с половиной недель спустя их обеспокоило кровотечение из пуповины у малыша. Через три дня оно прошло. Это было первым проявлением гемофилии – болезни несворачиваемости крови, передающейся по женской линии, но только мужскому потомству. При таком заболевании небольшая ранка могла привести к опасному для жизни кровотечению, а всякий ушиб – вместо простого синяка – к тяжелому внутреннему кровоизлиянию. Первые годы наследника тщательно оберегали от любой опасности, но время от времени инциденты все же случались, тем более что мальчик отличался живым характером.

Болезнь наследника еще больше сблизила родителей, души не чаявших в единственном сыне. И она же стала причиной появления при дворе необычной фигуры – Григория Распутина. О Распутине много писали и современники, и исследователи. Одни считали его проходимцем, хлыстом и развратником, который своей грязью рикошетом забрызгал последнего царя. Другие видели в нем еретика или сбившегося с пути мистика. Третьи полагали, что Распутин был тем, кем виделся он последним венценосцам – божьим человеком и провидцем, и обвинения его в распутстве, хлыстовстве и проч. не имели под собой никакой почвы.

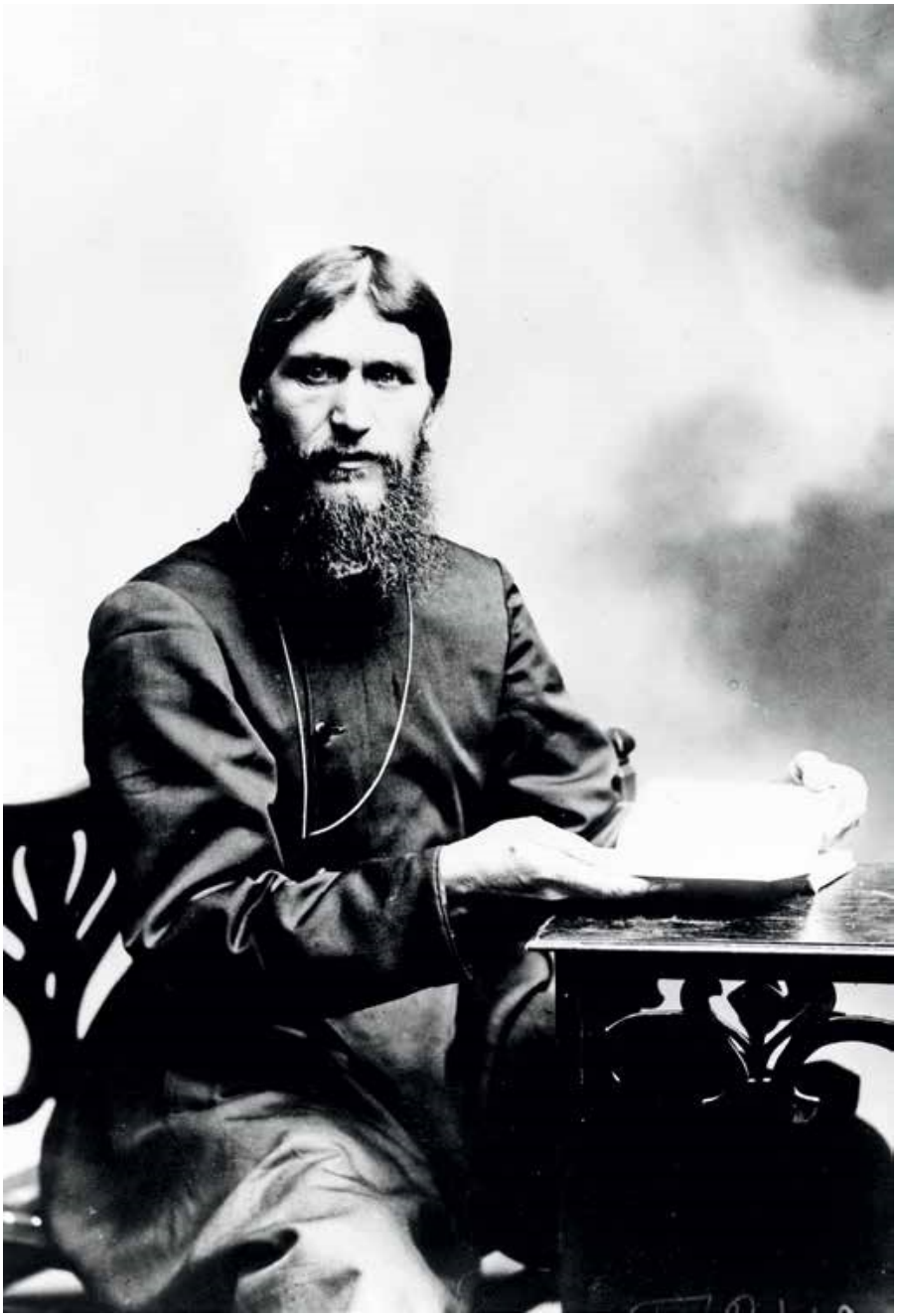
Семья Николая II: Александра Фёдоровна и дети – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей. 1914 г.

Григорий Ефимович Распутин родился в 1869 г. в селе Покровском Тобольской губернии в крестьянской семье среднего достатка и лет до 30 вел ничем не примечательную жизнь. Все изменилось после того, как он отправился на богомолье в Верхотурский монастырь в Пермской губернии. Вернулся он оттуда совершенно другим человеком. Бросил пить, курить, часами молился, изнурял себя строгими постами, много паломничал. Многие уже тогда считали его старцем – духовным наставником, прозорливцем и целителем.

В Петербург Распутин впервые попал в 1903 г. В это время он пользовался уважением и поддержкой церковных иерархов, сумел произвести впечатление даже на одного и наиболее почитаемых в то время проповедников, Иоанна Кронштадтского. «Старца Григория» стали принимать в великосветских салонах, и наконец 1 ноября 1905 г. состоялось его знакомство с царской семьей. Это было сложное для Николая II время. Только что был подписан манифест об учреждении в России законодательной Думы, в стране царила смута. Тогда знакомство «с человеком Божьим – Григорием из Тобольской губернии» и беседа с ним утешила императора и императрицу. Но Распутин далеко не сразу

приобрел тот вес и значение, которым он пользовался в последние годы существования империи. Долгое время его принимали наряду со многими другими «людьми Божьими» – молитвенниками, предсказателями, проповедниками из народа.

Первое время Распутин вел себя безукоризненно. Только с 1908 г. его отношения с церковными иерархами начали портиться, в 1910-м появились первые статьи о неприглядном поведении «старца». Саратовский епископ Гермоген, в свое время много помогавший Распутину, тогда заметил, что история церкви знает немало людей, «которые достигали даже очень высоких духовных дарований и потом падали нравственно». Все ухудшавшаяся репутация Распутина не была для самодержцев тайной, но единственное, что они предприняли, чтобы успокоить страсти, – перестали принимать его у себя. Встречи проходили в доме близкой подруги императрицы А. А. Вырубовой. Беседы с сибирским крестьянином для Николая II и Александры Фёдоровны были радостным, всегда ожидаемым событием. В нем, в этом «грязном мужике», Николай II нашел то, что, по собственному признанию, не мог найти ни в одном из священнослужителей. «В минуты сомнений и душевной тревоги, – говорил император, – я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно».



Г. Е. Распутин. 1900-е годы. Фото К. Буллы.

Но для Александры Фёдоровны Распутин был не просто духовным собеседником, он был святым человеком, молитва которого может отвести смерть от ее сына. «Старец», по свидетельству многих, действительно обладал даром внушения, способностью «заговаривать кровь». Императрица впервые

убедилась в этом еще в 1907 году, когда, оказавшись рядом с заболевшим наследником, Распутин «сотворил молитву», и мальчику стало легче. Но окончательно Александра Фёдоровна поверила в могущество «дорогого Григория» осенью 1912-го. Тогда, садясь в лодку, цесаревич ударился ногой. Через несколько дней у него обнаружилось обширное внутреннее кровоизлияние, поднялась температура. Врачи прописали полный покой. «Дни от 6 до 10 октября были самые тягостные, – писал позже император матери. – Несчастный мальчик страдал ужасно, боли охватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи, помилуй”». Положение было настолько серьезным, что врачи посоветовали готовиться к самому худшему. 10 октября цесаревича причастили. Наступил критический момент, и именно в это время из далекой Сибири пришла телеграмма от Распутина со словами: «Маленький будет жить». Состояние Алексея после этого сразу улучшилось. Температура начала спадать, он пришел в сознание и скоро заснул глубоким сном.

После этого разубедить императрицу в том, что именно молитва Распутина помогла Алексею, оказалось невозможно. По свойству своего характера Александра Фёдоровна не знала меры ни в своих привязанностях, ни в своих антипатиях. Со временем она поверила, что слово «дорогого Друга» может спасти не только ее сына, но и всю Россию…

Николай II был гораздо более сдержан. Но он знал, что удалить Распутина (из-за сына ли или из-за жены) не может. Распутин остался вхож во дворец, и его близость к самодержцам породила миф о его всемогуществе. Перед Распутиным стали заискивать, внутренне презирая его. Многие сановники искали его расположения, чтобы добиться каких-то своих целей или по крайней мере избежать негативных отзывов с его стороны.

Так создавался миф о Распутине, зарождалось сложное общественное явление, получившее название «распутинщина». Но до размеров государственной проблемы все это разрослось уже только в годы Первой мировой войны (1914–1918).

Война и революция

Первая мировая война назревала исподволь. Ее приближение легко было предсказать по участившимся инцидентам – локальным дипломатическим и военным конфликтам великих держав на Африканском континенте, на Ближнем Востоке.

Николай II отдавал себе отчет в том, что Россия никак не сможет остаться в стороне. И он готов был выполнить союзнические обязательства, но при этом прекрасно понимал ненужность и бесперспективность войны для самой России, которая не была заинтересована ни в территориальных приращениях, ни в новых колониях. Целью внешней политики Николая II было если не ликвидировать, то по возможности отдалить угрозу войны. И действительно, России долгое время удавалось сдерживать растущее напряжение. Однако результаты русско-японской войны и революция 1905–1907 гг. продемонстрировали всему миру, что Россия не так несокрушима, как представлялось раньше.

Германский император Вильгельм II.

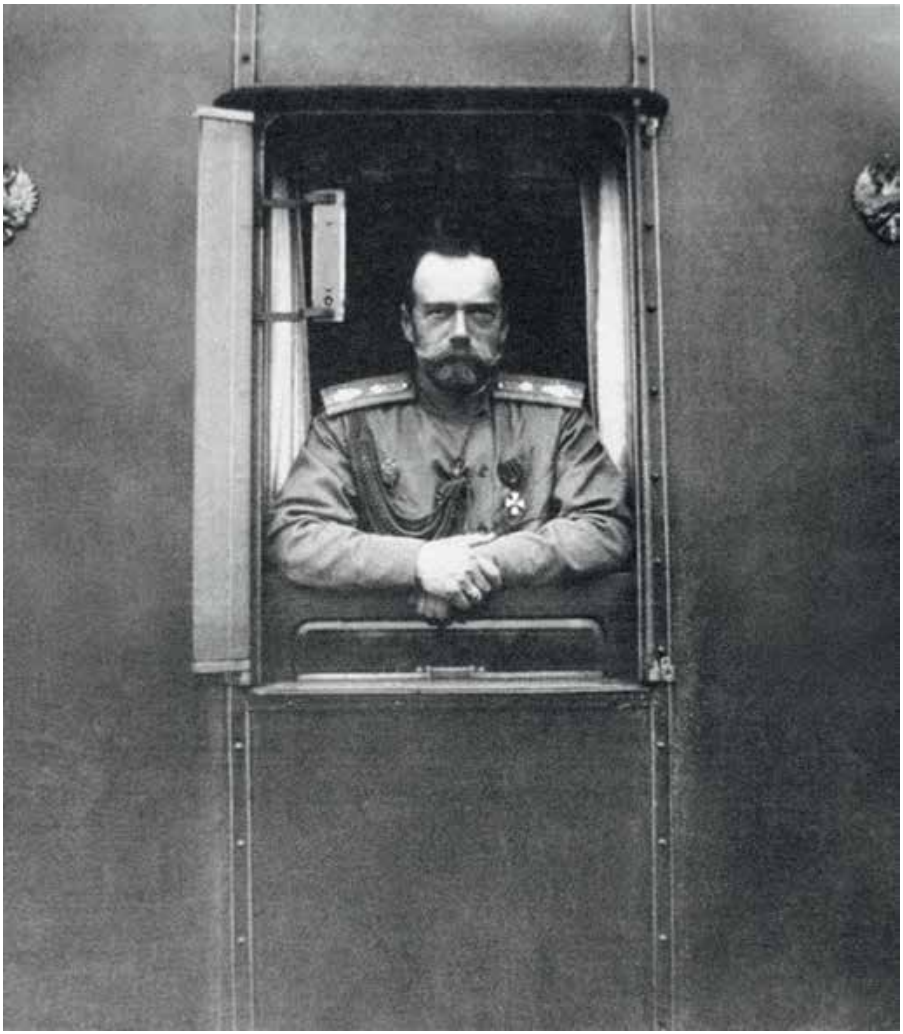
Наиболее далекоидущие выводы сделала Австро-Венгрия, активизировавшая свою политику на Балканах, что нарушило

существовавшее здесь хрупкое status quo. Стремясь к гегемонии в регионе, Австро-Венгрия посчитала возможным пренебречь интересами России, которая традиционно поддерживала балканских славян.

В 1910-е годы Николай II неоднократно пытался использовать личные связи с германским императором, чтобы добиться от него обещания не поощрять австрийской агрессии. Последняя встреча двух монархов – в мае 1913 г. на свадьбе дочери Вильгельма с принцем Кумберлендским – прошла в самых дружеских тонах, но улучшить ситуацию не смогла. В германском правительстве к этому времени верили в неизбежность столкновения «славян и германцев», и Вильгельм II не считал возможным отказать в поддержке Австро-Венгрии, своей верной и единственной союзнице.

Война становилась неизбежной. Оставалось лишь найти повод, и он был найден.

15 (28) июня 1914 г. в Сараево, столице недавно присоединенной к Австрии Боснии и Герцеговины, был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Обвинив Сербию в причастности к организации убийства, Австро-Венгрия предъявила ей ультиматум, условия которого сама считала неприемлемыми. Тем не менее 13 (26) июля Сербия ответила согласием (полным или частичным) на все пункты, кроме одного, – о проведении расследования при участии австрийского правительства, т. к. это затрагивало суверенитет страны. Австрия сочла ответ неудовлетворительным, разорвала с Сербией дипломатические отношения, а 15 (28) июля объявила ей войну.



Император Николай II в окне салон-вагона императорского поезда. Май 1916 г. Фотография из альбома великой княжны Ольги Николаевны.

Николай II, еще 14 июля писавший сербскому князю Александру о необходимости приложить все усилия, чтобы избежать кровопролития, теперь должен был выполнить обещание, что «ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии». Иначе он поступить и не мог – речь шла о государственном престиже Российской империи.

Ответом России стала всеобщая мобилизация. Решение об этом было принято еще 15 июля, но объявление ее затянулось. Император хотел по возможности не порывать отношения с Германией и мобилизовать только те войска, которые должны были сосредотачиваться на австрийской границе. Против этого

восстали военные. Предвидя, что Германия не оставит Австрию без поддержки, они настаивали на общей мобилизации, указывая, что она все равно неизбежна, и частичная мобилизация только помешает ей, поскольку спутает все планы и маршруты. Уговорить Николая II удалось только к вечеру 17 июля. Но и тогда он попытался объяснить ситуацию Вильгельму II. В посланной 17 июля телеграмме он писал, что остановить начавшиеся военные приготовления технически уже невозможно, но Россия не желает войны и не предпримет никаких действий, пока будут длиться переговоры по сербскому вопросу. «Я торжественно даю тебе в этом мое слово», – уверял он немецкого кузена. Но повернуть события вспять русскому императору не удалось. Вечером 19 июля немецкий посол в Петербурге вручил русскому министру иностранных дел ноту с объявлением войны. Великая война началась.

Император Николай II и великий князь Николай Николаевич. 1913 г.

Главнокомандующим всеми военными силами России был назначен дядя Николая II, великий князь Николай Николаевич. Но император и сам часто приезжал в Ставку, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Сначала это были очень короткие визиты, первый из которых состоялся уже во второй половине сентября 1914 г. Но весной 1915 г. положение на фронте осложнилось. Перейдя к обороне на Западном фронте,

Германия все свои усилия направила на борьбу с Россией. Несколько раз немецким войскам удавалось прорывать русский фронт и вынуждать русских к отступлению. В это время поездки императора стали более продолжительными. «Мог ли я уехать отсюда при таких тяжелых обстоятельствах? – писал он императрице в мае 1915 г. – Это было бы понято так, что я избегаю оставаться с армией в серьезные моменты». Но была и еще одна причина задержек Николая II в армии: присутствие императора благотворно влияло на настроения в Ставке. Он не стремился командовать и диктовать решения, но его спокойная уверенность заражала даже плохо справлявшегося со сложными ситуациями великого князя. Да и как мог император покинуть Ставку, когда Верховный главнокомандующий плакал, рассказывая ему о текущих событиях, просил заменить его «более способным человеком» и постоянно принимался благодарить, что император остался с ним, так как, писал Николай II жене, «мое присутствие успокаивало его лично».

Николай II в Ставке над картой.

В конце концов у Николая II созрело решение самому стать во главе армии. В юности немало времени посвятивший военной службе, он считал, что «долг Царского служения повелевает монарху быть в момент опасности вместе с войском, деля и радость, и горе». После русско-японской войны он не раз говорил, что никогда не простит себе, что не встал во главе действующей армии. Второй раз совершать такую ошибку он не собирался. Изданное незадолго до начала войны новое «Положение о полевом управлении войск в военное время» предполагало, что обязанности Верховного главнокомандующего будет исполнять сам император. Обстоятельства, однако, сложились иначе. Но в 1915 г. Николай II решился исполнить свое давнее намерение. «Когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью Русского Царя быть среди войска и с

ним либо победить, либо погибнуть…» – объяснял министрам решение царя премьер И. Л. Горемыкин. Соответствующий приказ по армии и флоту был опубликован 23 июля. К концу августа фронт был стабилизирован, и только тогда смолкли разговоры о «несчастливом», «невезучем» царе, присутствие которого на фронте приведет только к большим бедам.

Обязанности Верховного главнокомандующего предполагали постоянное присутствие императора в Ставке, которая находилась тогда в Могилеве. В Царское Село для свидания с семьей он возвращался теперь только на несколько дней примерно раз в месяц. Распорядок дня императора в Ставке мало отличался от обычного. Он также вставал около восьми часов, после легкого завтрака полтора-два часа принимал доклады в штабе. Затем следовал перерыв на завтрак, и доклады продолжались. Во второй половине дня император совершал небольшую прогулку в парке или за городом, куда выезжал на автомобиле, затем снова принимал, работал с бумагами. Только вечером наступало время отдыха. После ужина, который заканчивался около девяти часов вечера, император час или два играл в домино или трик-трак (нарды) или просто беседовал с приближенными. Говорили обо всем – делились воспоминаниями и наблюдениями, обсуждали научные вопросы, причем Николай II, по свидетельству очевидцев, обнаруживал очень солидные познания в истории, археологии и литературе. Перед сном обязательно читал.

В Ставке, вдали от Петрограда с его этикетом, сплетнями, вечными требованиями Думы, император мог позволить себе расслабиться. «Мой мозг отдыхает здесь – ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания», – напишет он императрице в революционном 1917-м. Неоднократно отца в Ставку сопровождал наследник, и это вносило в могилевскую жизнь свое очарование.

Однако исполнение Николаем II обязанностей главнокомандующего имело и свою оборотную сторону: отсутствие императора в столице не могло не сказаться на ходе государственного управления. Он уже не мог своевременно реагировать на происходящее, контролировать текущую ситуацию. 700 километров, оделявшие Ставку от столицы, могли стать (и в марте 1917 г. действительно стали) непреодолимым препятствием для разрешения критической ситуации.

Возникла проблема и с решением текущих дел. Важные вопросы самодержец решал сам, но, кроме них, существовало множество мелких дел, с которыми традиционно обращались к монарху. И здесь на помощь Николаю II пришла его супруга. Она была единственным в окружении императора человеком,

которому он безусловно доверял и который был посвящен в его настроения и мнения по разным вопросам. К тому же военные годы были не первым случаем вмешательства императрицы в государственные дела. Впервые это произошло во время болезни Николая II в 1900 г., когда она стала не только сиделкой мужа, но и щитом между ним и его министрами. Тогда, в 1900-м, Николай II отказался обсуждать вопрос о заместителе на время его болезни, а Александра Фёдоровна распорядилась, чтобы все не требующие отлагательств бумаги посылались к ней, а она сама будет докладывать императору по мере возможности. Теперь, 15 лет спустя, обязанности императрицы, оставаясь столь же неофициальными, расширились. Она поддерживала отношения с министрами (у некоторых даже принимала доклады), отдавала распоряжения по второстепенным вопросам и писала мужу подробные «донесения» обо всем происходящем в столице. Со временем, однако, ей показалось, что существует сфера, где она может оказать более действенную помощь мужу. Речь шла о назначениях на высшие государственные посты.

Царица верила, что многие испытываемые страной сложности происходят от того, что на ведущих постах находятся «не те» люди. И она попыталась повлиять на текущие назначения, подбирала кандидатуры, спрашивала совета «дорогого Григория». Вера императрицы в Распутина в годы войны достигла апогея. «Еще раз вспомни, что для тебя, для твоего царствования и Бэби и для нас тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы нашего Друга… – писала она мужу в ноябре 1916-го. – Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтоб он просветил тебя, что в Нем наше спасение; не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасет нас своими молитвами, мудрыми советами. Он – наша опора и помощь». Императору постоянно приходилось останавливать жену в ее стремлении подчинить всю жизнь страны советам Распутина, напоминать, чтобы она не вмешивала «нашего Друга». «Ответственность несу я, – говорил император, – и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».

Николай II с сыном Алексеем на встрече с солдатами и офицерами, награжденными Георгиевскими знаками отличия. 1915 год. Могилев.

Но 1915 год принес осложнения не только на фронте. По мере хода военных действий выявлялись проблемы, связанные со снабжением армии и организацией эвакуации из захваченных противником областей. Это не было только русским явлением. Ни одна из участвовавших в войне стран не была готова к столь масштабным действиям и столь продолжительному противостоянию. Но в России эти военные трудности стали сигналом к новому витку критики правительства. Меньше всего желая повторения ситуации 1905 г., Николай II попытался с самого начала не дать развиться оппозиционным настроениям, восстановить возникшее в 1914 г. на волне патриотизма единение между обществом и властью. В июне 1915 г. он принимает решение о созыве Государственной думы. С его стороны это был жест доверия обществу, поскольку чрезвычайные обстоятельства войны позволяли отложить созыв представительства до ее окончания. Более того, в преддверии собрания Думы император произвел перестановки в министерском корпусе, уволив тех министров, деятельность которых думцы критиковали особенно сильно. Но сделав этот шаг, император снова вступил в заколдованный круг уступок. Думская сессия, открывшаяся 19 июля, показала, что и на этот раз движение власти навстречу народному представительству было расценено как признак ее слабости.

Николай Второй вместе с генералами и офицерами пробует солдатскую кашу во время одного из посещений прифронтовой полосы. 1916 г.

Шли военные действия, а общественные вожаки все больше втягивались в борьбу с собственным правительством. С думской трибуны летели требования отставки неугодных министров, обвинения в измене, шпионаже… Император возмущался, но ничего не предпринимал. Все инсинуации оставались

безнаказанными и безответными. Оскорбленным министрам царица рекомендовала не обращать внимания на пустую болтовню. Время от времени, стараясь умерить страсти, Николай II сменял кого-нибудь из руководителей ведомств, и это действительно снимало напряжение, но не надолго. Причина такого несколько легкомысленного отношения к Думе со стороны самодержцев крылась в их убеждении, что, кроме пустой болтовни, думская общественность мало на что способна. Лишь когда заходила речь о кабинете министров из общественных деятелей, император проявлял твердость. Он считал себя ответственным «перед Богом и Россией за все, что случилось и случится», и не мог «передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку». Кроме того, он был совершенно уверен, что в «общественный кабинет» войдут «люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не справятся со своей задачей».

Император забеспокоился только после того, как в ночь на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Григорий Распутин. Дело было не только в самом старце, о потере которого он сильно скорбел, но и в том, что пустые, как ему казалось, разговоры внезапно обернулись настолько решительными действиями. И не важно, что убийство было совершено с целью спасения монархии от «богопротивного Гришки», важен сам факт убийства. Царь немедленно вернулся из Ставки в Петроград и пробыл здесь два месяца, налаживая дела, реорганизовывая правительство.

Обратно в Могилев он выехал 22 февраля, уверенный в том, что на какое-то время положение стабилизировано. Радовала его и ситуация на фронте. Кризисы снабжения были преодолены, на весну было назначено большое наступление совместно с союзниками, которое должно было нанести сокрушительный удар Германии и заставить замолчать отечественных крикунов. Позднее У. Черчилль напишет: «Несомненно, что ни к одной стране судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда уже был виден порт».

На следующий день после отъезда императора корью заболели дети – Ольга и Алексей, днем позже – Татьяна, а еще через несколько дней – Анастасия. В тот же день, 23 февраля, в Петрограде начались уличные волнения, но власти не придали им значения. «Это хулиганское движение, – писала Александра Фёдоровна, – мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение… Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по

домам».

Ситуация резко изменилась 27-го числа, когда на сторону восставших стали переходить войска. Даже представить такое царские сановники не могли. Между тем события развивались очень быстро. Получившая в тот же день (понедельник, 27 февраля) указ о роспуске Государственная дума фактически примкнула к восстанию: был избран Временный комитет Государственной думы с неограниченными полномочиями. Параллельно возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, взявший на себя руководство уличным движением.

Николай II знал о волнениях в Петрограде. Известия об этом были получены 25 февраля. 27-го в Ставку полетели телеграммы о присоединении к восстанию военных частей. Ему советовали распустить Совет министров и, назначив премьером одного из лидеров оппозиции, Г. Е. Львова, поручить ему составить новый кабинет. Но император не торопился. Он даже не ускорил своей отъезд из Ставки, намеченный на 28 февраля, и отложил окончательное решение вопроса до своего прибытия. Да и были ли поводы для паники? Восстание захватило столицу, но и только. Были отданы соответствующие распоряжения для нормализации ситуации. 28 февраля в Петроград должны были прибыть четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Наиболее разумным решением в этой ситуации было переждать, и начальник штаба Алексеев советовал императору отменить поездку или, если уж ехать, то в расположение гвардии, а не в столицу. Но императора больше всего в тот момент тревожило положение семьи, находившейся рядом с восстанием и не могущей никуда выехать из-за болезни детей. Александре Фёдоровне действительно настоятельно советовали уехать хотя бы в Гатчину, а еще лучше в Новгород, и она даже согласилась – когда из тюрем стали выпускать арестантов, заполыхали полицейские участки и прервалась связь с министрами. Но потом заявила: «Никуда не поедем. Пусть делают, что хотят, но я не уеду и детей губить не стану».

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев. 1916 г.

Николай II выехал из Ставки 28-го. Уже в поезде он узнал, что правительство не просто оказалось бессильно, оно фактически самораспустилось, что начались аресты министров, а в зале заседаний Думы был снят царский портрет. Царь торопился в Петроград, но в ночь на 1 марта, когда до столицы оставалось около 200 километров, оказалось, что дальше проехать нельзя, так как пути заняты «революционными войсками» (позже выяснилось, что слухи были преувеличены), и Николай II приказал ехать в Псков, где располагался штаб Северного фронта и куда царский поезд прибыл вечером 1 марта. Но вместо верных войск и поддержки со стороны командующих фронтами, которую император рассчитывал здесь найти, он увидел только готовность генералов пойти навстречу требованиям лидеров Думы, словами главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Н. В. Рузского – «сдаться на милость победителя».

Здесь, в Пскове, в полной мере осознал Николай II, насколько далеко зашло разложение генералитета, предпочитавшего слушать думских лидеров, а не своего государя. От императора требовали отречения в пользу наследника при регентстве

Михаила Александровича, запугивали опасностью, которая грозит его семье, говорили о невозможности продолжать войну при столь непопулярном монархе, о грозящем развале армии…Днем 2 марта Николай II внутренне уже согласился на отречение, но его беспокоил вопрос о сыне. Алексей Николаевич должен был стать первым конституционным монархом России, и было маловероятно, что его самодержавным родителям позволят продолжать заниматься его воспитанием. Между тем здоровье 13-летнего наследника требовало особого наблюдения и ухода, и оставить сына одного Николай II не мог. Выходом стало отречение и за себя, и за Алексея. В 23 часа 40 минут 2 марта манифест был подписан.

Митинг у здания Государственной думы в дни Февральской революции.

Все произошедшее за эти два дня сильно повлияло на императора. «Кругом измена, и трусость, и обман!» – записал он в дневнике в ночь на 3 марта. Но внешне бывший царь сохранял полное спокойствие, что заставило одного старого генерала оскорбленно заметить, что Николай II «отказался от Российского престола просто, как сдал эскадрон». Только знавшие его люди видели, как одеревенело его лицо, каким нервным движением доставал он папиросу, как необычно сосредоточен был, стараясь не выдать напряжения.

Гражданин Романов

Как, наверное, всякий монарх, Николай II мечтал пожить как частный человек. И вот – свершилось. Император перестал быть императором. О чем мечтал он, на что рассчитывал, как представлял себе жизнь после трона? Первым его решением было вернуться в Ставку, чтобы попрощаться с войсками. Дальнейшие планы включали поездку в Крым, куда врачи рекомендовали повезти только что перенесших корь детей, а потом он хотел «совершенно частным лицом» поселиться в Костромской губернии.

Все эти расчеты рассыпались уже на следующий день, когда был опубликован манифест Михаила Александровича, в котором он соглашался принять престол только в том случае, если такое решение примет Учредительное собрание, а до тех пор призывал всех граждан подчиниться Временному правительству. Этот манифест положил конец монархии в России и во многом предопределил печальную судьбу всех, так или иначе связанных с уходящим строем. Николай Александрович узнал о содержании манифеста в Могилеве и пришел в ужас. Но что он мог сделать? Он попытался было сказать начальнику штаба Алексееву, что в этом случае готов пожертвовать сыном и передать престол ему, но после опубликования двух манифестов это решение уже запоздало.

4 марта состоялась передача фронта. Она прошла очень просто. Все еще остававшийся главнокомандующим бывший император взял лист бумаги и написал: «Сдал фронт. Николай». Ниже генерал Алексеев подписал: «Принял фронт. Алексеев».

Николай Александрович пробыл в Ставке до 8 марта: встречался с приехавшей матерью, принимал генералов, гулял. Он ждал ответа от Временного правительства. Царь хотел получить личные гарантии, свободный въезд в Царское Село и разрешение жить в резиденции до полного выздоровления детей, затем свободный проезд до Романова на Муроме для отъезда в Англию, а после окончания войны – разрешение постоянно жить в Ливадии. 6 марта он получил положительный ответ на первые три просьбы. Но в тот же день Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов узнал, что «министры-капиталисты», как называли членов Временного правительства, собираются выпустить царя за границу. Реакция была настолько агрессивной, что Временное правительство пошло на уступки и приняло решение об аресте «Николая Романова». 8 марта в Могилев с указом об аресте бывшего императора

прибыли уполномоченные Временного правительства, и Николай Александрович покинул Ставку.

Бывший царь и его семья провели под арестом в Царском Селе почти 5 месяцев, хотя дети окончательно поправились уже к концу апреля. Жили в своих старых комнатах в левом крыле Александровского дворца. Гулять можно было выходить только с разрешения коменданта, который назначал охрану – 5–6 солдат. Неоднократно приезжал министр юстиции Ф. А. Керенский, говорил о будущем переезде, но сообщения его не содержали ничего определенного. Жизнь между тем дорожала. Суммы, которые еще переводили со счетов упраздненного министерства двора, постоянно сокращались. Надо было начинать самим заботиться о своем содержании. Может быть, поэтому и возникла идея создать свой огород. Получили разрешение коменданта, и 28 апреля на парковой лужайке, напротив окон личных покоев императрицы Марии Фёдоровны, начались работы. Снимали дерн, удобряли и рыхлили землю, делали грядки, всего 65 штук. Караульные солдаты и офицеры заинтересовались, советовали, а иногда принимались за работу и сами. Посадили картошку, морковь, капусту, свеклу, репу…

Вторым делом после «огородной страды» стала заготовка дров. Отопление во дворце уже не работало, стоило позаботиться о будущей зиме, тем более что не ясно было, удастся ли покинуть Царское до наступления холодов.

О скором отъезде они узнали в конце июля, но только в поезде им сказали, что местом их ссылки определен Тобольск. Выехали рано утром 1 августа. С царской семьей ехало 39 человек свиты и прислуги, решивших сопровождать бывших самодержцев. Вечером 4 августа были в Тюмени, где пересели на пароход и по рекам Туре и Тоболу двинулись к Тобольску. Во второй половине дня 5 августа показалось большое село. Это было Покровское, родина Григория Распутина. С парохода виден был его двухэтажный дом. Могла ли императрица не вспомнить в эти минуты предсказание «дорогого Друга», что она обязательно побывает у него на родине… перед смертью.

Николай II в Царском Селе после отречения. 1917 г.

В Тобольске «гражданина Романова с семьей» поселили в бывшем губернаторском доме, а теперь «Доме Свободы». Здесь, как и в Царском, было множество ограничений. Гулять можно было только во дворе, который был отгорожен от улицы высоким деревянным забором. В церковь можно было ходить только на

утреннюю службу и только под охраной. Не хватало денег, и императрица потихоньку продавала через горничных захваченные с собой из Петербурга платья, вязала, штопала износившееся белье. С 1 марта 1918 г. Романовы были переведены на «солдатский паек» – 600 рублей на человека в месяц. Снова нужно было сокращать расходы. На семейном совете решили отказаться от кофе и масла. Кроме того, пришлось рассчитать 10 человек прислуги, приехавшей с ними и Петрограда. Они чувствовали бы себя совсем отрезанными от мира, если бы не газеты да редкие письма родных.

Николай II внимательно следил за новостями. Он знал, что начатое в июне 1917-го наступление русской армии захлебнулось, что страна все больше скатывается в хаос, а в армии царит разложение, что в октябре к власти пришли какие-то большевики, заключившие мир с Германией в то время, когда значительная полоса русской территории была захвачена немецкими войсками. Все это казалось бывшему императору кошмаром. И он все больше корил себя за то, что тогда, в Пскове, поддался на уговоры, побоялся, что его сопротивление может привести «к гражданской войне в присутствии неприятеля, и не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него». Теперь он видел, что его самоотречение было бесполезно, и, думая о благе своей родины, он на самом деле оказал ей плохую услугу. «Эта мысль, – писал сопровождавший императорскую семью в ссылку П. Жильяр, – стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний».

Судьба царской семьи оставалась неопределенной. Временное правительство откладывало решение «романовского вопроса» до Учредительного собрания, разогнанного большевиками в январе 1918 г. Не было определенных планов и у образованного в октябре 1917 г. Совета народных комиссаров. Правда, одно время среди нового правительства была популярной мысль о переводе узников в Кронштадт и организации показательного судебного процесса, но это казалось пока «несвоевременным». В стране разворачивалась Гражданская война, центральной власти все сложнее было контролировать отдаленные территории, подчинявшиеся теперь местным советам. Это обстоятельство и стало причиной перевода царской семьи в апреле 1918 г. в Екатеринбург, в лояльности местного совета которого в Москве были уверены. Ко времени переезда была заменена и охрана. Революционные власти посчитали, что охранявшие сверженного монарха солдаты слишком «разложились», чтобы надежно охранять важного узника.

Стоял апрель, навигация еще не началась, и часть пути проехали на лошадях. Снова проезжали через Покровское, на этот раз уже совсем рядом с домом Распутина, так что видели в окнах его жену и детей.

В Екатеринбурге «бывших» поселили в каменном особняке на Вознесенском проспекте. Реквизированный в свое время у инженера Н. Н. Ипатьева, он назывался теперь Домом особого назначения и стал последним прибежищем царской семьи. Здесь они прожили почти три месяца. В ночь на 17 июля их разбудили, под предлогом волнений в городе и безопасности попросили спуститься вниз, в подвал. Даже принесли два стула, для императрицы и наследника. Затем комендант Юровский приказал остальным встать в ряд, позвал команду и объявил, что родственники Романовых в Европе продолжают наступать на Советскую Россию, и потому Уралоблисполком принял решение об их расстреле. Николай успел переспросить «Что? Что?». Был отдан приказ, раздались выстрелы. Вместе с царской семьей были убиты доктор Е. С. Боткин, камердинер А. Е. Трупп, повар И. М. Харитонов, горничная А. М. Демидова.

Дом Ипатьева. 1928 год. Первые два окна слева и два окна с торца – комната царя, царицы и наследника. Третье окно с торца – комната великих княжон. Внизу под ней – окно подвала, где были расстреляны Романовы.

Трупы погрузили на подводы и вывезли из города. Предполагалось сбросить их в заброшенную шахту, но в глубине шахты было холодно, и образовавшийся ледовый панцирь не

давал телам утонуть. На следующий день их попытались сжечь, но после пребывания в ледяной воде они не горели. И только в ночь на 19 июля, когда тела повезли от рудника, и одна из машин застряла, было решено похоронить убитых здесь. С дороги сняли настил, 9 тел положили в выкопанную яму, а цесаревича Алексея и Марию похоронили отдельно, недалеко от основного захоронения. Теперь, если бы страшная находка и обнаружилась, соотнести захороненных с царской семьей было бы непросто. Официально же было объявлено, что «Николай Романов расстрелян, а семья эвакуирована в безопасное место».

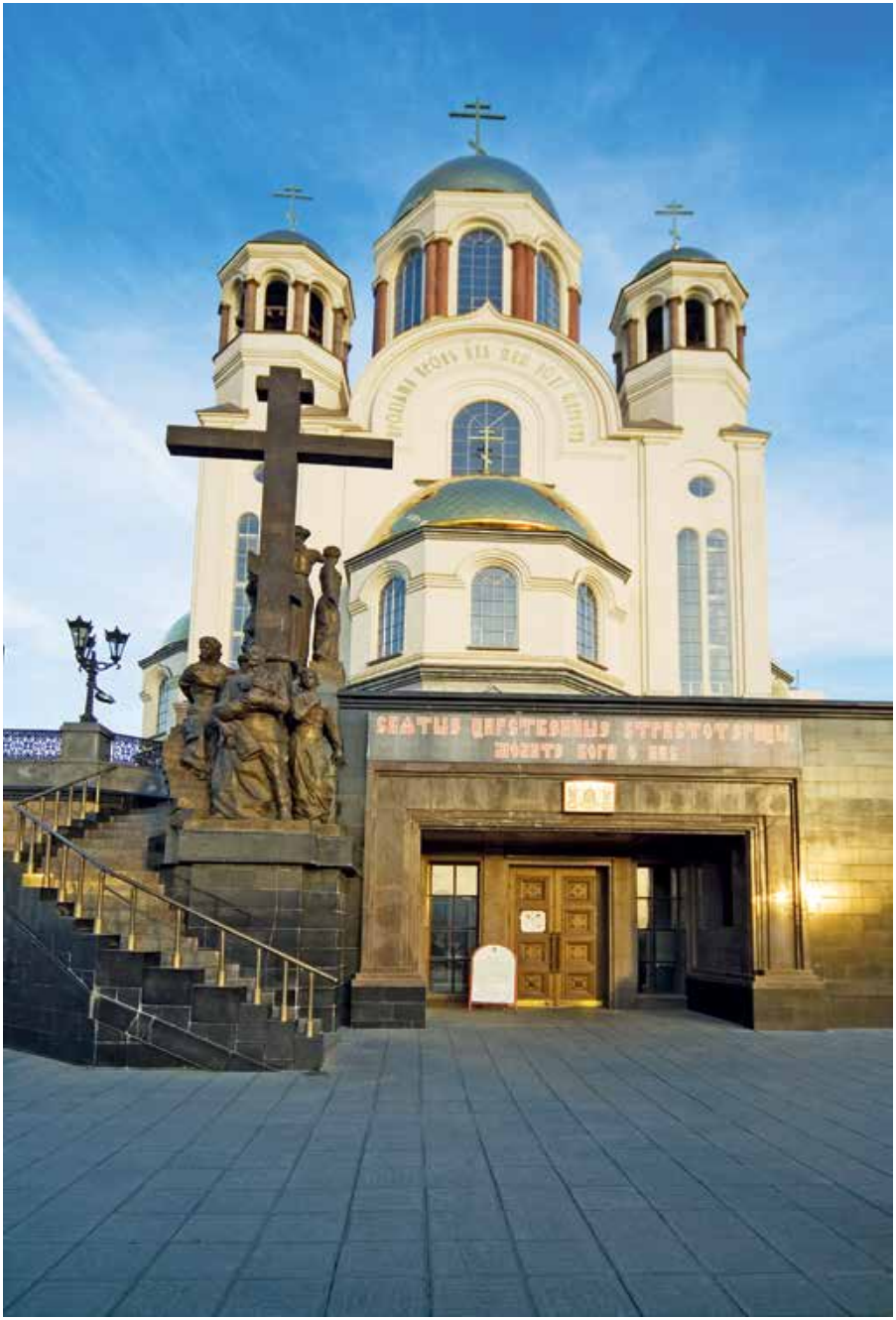
Место последнего упокоения царской семьи не было полностью забыто. Известное немногим, оно было тем не менее местной достопримечательностью. И когда в 1928 г. в Екатеринбург (уже переименованный в Свердловск) приехал Вл. Маяковский, ему показали то место, на 9-й версте от города, где покоился император. После этого появилось стихотворение «Император», где были такие строки:

Здесь кедр
топором перетроган,
зарубки
под корень коры,
у корня, под кедром,
дорога,
а в ней – император зарыт.

«Возвращение» императора

Трагическая гибель Николая II в далекой Сибири во время разгорающейся Гражданской войны осталась малозаметной. Лишь немногие, как патриарх Тихон, осмелились осудить это «ужасное дело». В целом же страну волновали совсем иные проблемы. В немалой степени безразличному отношению к поверженному монарху способствовал и его шаржированный образ, еще до революции потерявший всякую связь с реальным человеком. Этот образ оказался как нельзя более удобен новой власти, ибо легитимизировал не только свержение монархии, но, в определенной степени, и все действия революционного правительства. В советские годы непредвзятая информация о Николае II была под запретом. Фотографии, воспоминания хорошо знавших его людей – все это оставалось неизвестным советскому читателю. В 1977 г. – 60 лет спустя после революции! – по решению Политбюро ЦК КПСС разрушен был дом Ипатьева, где долгое время располагались разные

ведомственные конторы.



Храм-памятник на Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших, на месте дома Ипатьева в Екатеринбурге.

«Возвращение» Николая II связано с очередным смутным

периодом отечественной истории. В этом можно видеть исторический парадокс, но действительно потребовался новый слом российской государственности, чтобы стало возможным подвергнуть сомнению устоявшиеся стереотипы. Однако спокойного, беспристрастного анализа фигуры и исторической деятельности последнего российского самодержца не получилось и на этот раз. В 1990-е годы личность Николая II снова стала объектом политической конъюнктуры. Тогда власти обратили внимание на обнаруженные энтузиастами еще в 1979 г. на Старой Коптяковской дороге под Екатеринбургом останки, предположительно принадлежавшие императору и членам его семьи. 17 июля 1998 г. они были торжественно перезахоронены в Петропавловском соборе Петербурга. Однако сопутствовавшая этому и поощряемая правительством шумная пропагандистская кампания вызвала подозрения в политической ангажированности всего действа и даже фальсификации результатов многочисленных экспертиз по идентификации останков.

Наиболее взвешенный и осторожный подход продемонстрировала к этой проблеме Русская православная церковь. В 2003 г. на переданном ей участке, где стоял дом Ипатьева, был воздвигнут храм-памятник на Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. Несколько ранее, в 2000 г., состоялась канонизация императора и его семьи в лике страстотерпцев (то есть за непротивление гонителям и мученическую кончину). Но вопрос о признании церковью екатеринбургских останков остается открытым до сих пор.

До сих пор не существует и общей платформы в оценках царствования последнего монарха, на которой сходились бы исследователи предреволюционной России. Конечно, нельзя отрицать, что в последние годы эти оценки становятся все более взвешенными. Сейчас все чаще исследователи склонны превозносить личные качества Николая II (его искренность, доброту, интеллигентность), противопоставляя им его несостоятельность как политика – и тем самым фактически повторяя старый тезис одного из лидеров монархистов В. В. Шульгина о «несчастном государе», который «был рожден на ступенях трона, но не для трона». Но действительное значение последнего императора и его политики все еще не раскрыто. Да и вряд ли это возможно без пересмотра давно устоявшихся исторических концепций. Подлинная история Николая II ждет создания новой истории России XX столетия, новой постановки (и решения) вопроса о путях ее развития. Но эта тема еще слишком политически востребована. И потому, как при жизни, так и много лет спустя после смерти, вокруг Николая II все еще кипят страсти.

Главные даты[1] жизни Николая II Александровича

1868 г.
6 мая
Родился великий князь Николай Александрович, первый внук императора Александра II.

20 мая
Крещение Николая Александровича.

1881 г.
1 марта
Смерть императора Александра II.

2 марта
Высочайшим манифестом объявлен наследником престола Всероссийского.

6 мая 1884 г.
Принял присягу.

6 мая 1889 г.
Назначен членом Государственного совета и Комитета министров.

Октябрь 1890 г. – август 1891 г.
Путешествие вокруг Азии и по Сибири.

6 августа 1892 г.
Произведен в полковники.

14 января 1893 г.
Назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги.

1894 г.
8 апреля
Помолвка великого князя Николая Александровича с принцессой Алисой Гессенской.

20 октября

Смерть императора Александра III, вступление на престол Николая II.

14 ноября
Свадьба Николая II и великой княжны Александры Фёдоровны.

1895 г.
17 января
Речь Николая II перед представителями от дворянства, земств и городов.

3 ноября
Родилась великая княжна Ольга Николаевна.

1896 г.
14 мая
Коронация императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны.

18 мая
Ходынская катастрофа.

1897 г.
3 января
Указ о выпуске в обращение золотой монеты.

28 января
Проведена первая всероссийская перепись населения.

29 мая
Родилась великая княжна Татьяна Николаевна.

1899 г.
14 июня
Родилась великая княжна Мария Николаевна.

28 июня
Умер наследник престола великий князь Георгий Александрович, брат Николая II.

5 июня 1901 г.
Родилась великая княжна Анастасия Николаевна.

17 – 20 июля 1903 г.

Прославление и открытие мощей преподобного Серафима Саровского.

1904 г.

27 января

Начало русско-японской войны.

30 июля

Родился великий князь цесаревич Алексей Николаевич.

1905 г.

9 января

Манифестация рабочих в Петербурге – Кровавое воскресенье.

4 февраля

Убийство великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II.

18 февраля

Рескрипт о разработке мер для привлечения населения к обсуждению законодательных предложений.

23 августа

Подписание мирного договора между Россией и Японией.

17 октября

Манифест «Об усовершенствованиях государственного порядка».

1906 г.

23 апреля

Утверждение новой редакции Основных законов Российской империи.

27 апреля

Открытие I Государственной думы.

9 июля

Роспуск I Государственной думы.

9 ноября

Указ о свободном выходе крестьян из общины.

1907 г.
20 февраля
Открытие II Государственной думы.

3 июня
Манифест о роспуске II Государственной думы и введении нового избирательного закона.

1 ноября
Открытие III Государственной думы.

15 ноября 1912 г.
Открытие IV Государственной думы.

21 февраля 1913 г.
300-летие со дня призвания на царство Михаила Фёдоровича Романова.

19 августа 1914 г.
Германия объявила войну России.

23 августа 1915 г.
Николай II принимает на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

17 декабря 1916 г.
Убийство Григория Распутина.

1917 г.
23 февраля
Начало уличных беспорядков в Петрограде и болезни детей Николая II.

2 марта
Отречение Николая II в пользу брата, великого князя Михаила Александровича.

3 марта
Отказ вел. кн. Михаила Александровича от престола.

6 марта
Временное правительство приняло решение об аресте Николая II и Александры Фёдоровны.

1 августа
Отправка царской семьи из Царского Села в Тобольск.

6 августа
Царская семья прибыла в Тобольск.

1918 г.
14 февраля
Переход Советской России на западноевропейский календарь.

30 апреля
Переезд царской семьи в Екатеринбург.

17 июля
Расстрел царской семьи и четверых приближенных.

notes

Примечания

1

Даты даны по тому стилю, который в это время использовался в России.